

Виктор Гридюшко

БРОУНИАДА

ИЛИ

путешествие

по

замкнутой

спирали

Вюрцбург
2020

Гридюшко В. М.

Броуниада или путешествие по замкнутой спирали: трилогия.

Книга третья: – В зоне рискованного земледелия. 2020г.

В третьей книге автор рассказывает о реалиях работы агрономом и директором совхоза в хозяйствах южной части Сибири и Северного Казахстана.

КНИГА ТРЕТЬЯ

В ЗОНЕ

РИСКОВАННОГО

ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Труженикам села с уважением

Содержание

Часть первая

Заливино	6
Тара	22
Я и Ленин	30
Господин, помни о массагетах	38
Егоровка	55
Ловец сновидений (теория.)	61
Ловец сновидений (практика.)	68
Цыгане и остальной интернационал	81
Начало таёжной жизни	88
Про лошадь и колхоз	96
Полевые работы	105
Про аристократизм «совка».	114
«Я уеду из этой деревни...»	127

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ЗАЛИВИНО

Умер один человек и отправилась его душа в небесную канцелярию, чтобы получить вид на новое жительство. Там полистали «Дело», задали парочку уточняющих вопросов и постановили, что рая достоин. Люди с понятием, к мелочам не прикапываются, всякого за века насмотрелись. Иди, мужик, отдыхай, грызи свои яблочки.

Но тот не уходит, мнётся.

– Что-то непонятно?

– Разрешите спросить?

– Спрашивайте, но только коротко. Видите, какая очередь.

– Скажите, а зачем я вообще родился? Ведь в этом Мире всё предопределено Богом, значит и у меня было какое-то предназначение. Вы можете мне его открыть? Как я его исполнил, хорошо или плохо? Для меня это очень важно. В чём оно заключалось?

Дежурный архангел снова открыл «Дело», полистал.

– Вы спрашиваете о предназначении, извольте, оно задокументировано. Помните, в поезде «Москва-Владивосток», за столиком в вагоне-ресторане вас попросили передать соль?

– Слушай, Мир, а ты не мог бы по своим каналам пробить, какое оно моё, это самое, для чего я на свет появился?

– А что сам не спросил, когда по небесам шарахался, покой нарушал?

– Не у кого было спрашивать, там пустота кругом и только спираль откуда-то свешивалась. Вот я за неё ухватился и стал дёргать.

– Кота за хвост иди подёргай! Нет, ну это же надо, во всём великолепии Небесного чертога и Вечной жизни он только пустоту и какую-то непонятную спираль узрел! Хотя чего ещё можно ожидать от атеиста? Блаженны нищие духом... Спираль, **спираль**?! Кажется я начинаю понимать, что произошло в тот вечер. Ты и не мог ничего другого увидеть, вас так учили. Но зачем ты её оторвал и соединил концы? Что, самый крутой в этом мире?

– Гордыня обуяла. *(Он встал вровень со Вселенной.)*

– Засунь свою гордыню себе знаешь куда? Напился, иди, как все, на улицу, найди ещё более гордого, получи по морде и успокойся. Зачем ты на небо полез? Меня только одно поражает, почему тебя тогда сразу не убило? А может всё-таки убило, но перевело в какую-то иную форму существования, в которой мы с тобой без особых проблем можем общаться? Если хорошо подумать, то получается, будто твоё предназначение состояло в том, чтобы ты соединил начало мира с его концом. *(Эй, мужики, а немножко поскромнее можно?)* Не надо мне тут делать страшные глаза и корчить рожу. Я без тебя знаю, что Мир безначален и бесконечен. Речь идёт о периоде осмысленного существования человечества, отстоящего от вашего времени на 30000 лет и вплоть до лета 2005 года. У вас, атеистов, спираль начинает расти именно с того времени. Выходит, по каким-то неведомым соображениям ты замыкаешь цепь, остаёшься неожиданно жив, и ещё получаешь в придачу меня. Тогда что, у нас общее предназначение – написать вместе «Броуниаду...» и передать «соль жизни» из того времени в нынешнее? Вот уж не думал, что после Платона и Аристотеля придётся иметь дело с тобой.

– А тебя это напрягает?

– Нисколько. В любом времени и месте есть свои авторитеты, их надо принимать и оказывать им знаки внимания. Они сами всю жизнь совершенствуются и создают поле притяжения.

Поле, к которому тянутся другие люди. Не обольщайся, ты к этой категории относишься лишь отчасти, но, всё-таки относишься, иначе я не стал бы с тобой разговаривать.

– Спасибо, Мир, я искренне тронут.

– Не за что. Подведём краткие итоги. Мы проболтались перед читателями, теперь они знают, **что ты натворил**. Может это и правильно, третью уже пишешь. Но оставь тайной, **зачем ты это сделал?** Я тоже пока этого не понимаю. Кстати, после публикации твоих опусов в интернете, появилось много лестных комментариев, должных придать тебе работоспособности. Люди жаждут видеть новую книгу. Итак, ты не стал дожидаться конца отпуска, оставил жену на попечение её матери и поехал на разведку к месту своей будущей работы...

Да, я поехал на разведку. Расстояние от Омска до Тары 300 км и рейсовый «Икарус» со всеми остановками преодолевал его за шесть часов. Заливино, центральная усадьба «ОПХ им. Фрунзе», располагалось рядом с трассой, не доезжая 12 км до города. Большое село, может быть самое мощное в округе. Сразу бросалось в глаза, что идёт большое строительство. Но старые дома были в основном деревянными, и именно они пока определяли непривычную моему взору архитектуру.

Хозяйство было богатое, с миллионной прибылью. Здесь, в преддверии тайги, которая начиналась на другом берегу Иртыша, часто шли дожди, земля была плодородной, всё росло как на дрожжах и в прошлом, 1976 году, урожайность зерновых культур составила 42 ц/га. Это был испытательный полигон учёных СИБНИИСХоза для отработки рекомендаций хозяйствам подтаёжной зоны. Но и свои кадры были превосходны. Буквально в эти дни уходил на пенсию Иосиф Михайлович Беленок, главный агроном совхоза, кавалер ордена Ленина, заслуженный агроном России. На его место назначался Володя Лыткин, работавший до этого агрономом второго отделения, которого я и должен был сменить. Директором хозяйства был человек легендарный. Владилен Фёдорович Носков, делегат 25 съезда КПСС.

– Чего же в нём было такого легендарного?

– А вот и было, раз до сих пор помнят и фонд его имени существует. У меня, Мир, сложилась достаточно стройная теория по поводу директоров совхозов и председателей колхозов, их обобщающих характеристик, но пока ещё рано её открывать, это материал для последующих страниц. Единственное, что я могу сделать в ответ на твой вопрос, это чуть-чуть приподнять завесу и сказать, что Владилен Фёдорович остался легендой потому, что обладал редким даром. Он был **агрономом-строителем**.

Счастьем для заливинцев было и то, что все три названных мной человека оказались агрономами с Божьей искрой.

За большим столом обширного кабинета сидел человек лет сорока в кожаном пиджаке и курил. Я представился. Он встал, пожал мне руку и жестом предложил присесть. Мы немного поговорили, и он вызвал Володю, моего будущего шефа, чтобы тот отвёз меня на отделение и показал квартиру. Небольшое село располагалось всего в трёх километрах от Заливино.

Новый двухквартирный дом был уже построен. Одна половина предназначалась нам с женой. Входную дверь фиксировал согнутый гвоздь, мы его повернули и вошли. Стены были побелены, но пол не покрашен.

– Нет краски, вот-вот должна поступить, тогда докрасят.

И не было электрической проводки. В целом я остался доволен нашим будущим жилищем. На прощанье ещё раз зашёл к директору.

– Пока ты приедешь, всё будет закончено, – заверил он меня.

Окрылённый вернулся в Омск и рассказал, что видел. Первого августа я с чемоданом был уже в совхозе.

Оформил документы в отделе кадров, получил в кассе «подъёмные» и Володя повёз меня в моё село.

Дверь по-прежнему была закрыта на гвоздь и ничего не изменилось. Это было неожиданно, я тогда ещё не понимал, что таково правило нашей жизни, а не исключение.

Меня поселили на время жить к одной женщине, которая работала на отделении заведующей складом. У неё была дочь, полная молодуха с выступающими вперёд зубами, которая вышла замуж в другую деревню, но теперь развелась и вернулась к матери. Та души в ней не чаяла и всеми силами пыталась устроить её новое счастье.

Я сразу рассказал хозяйке о своей жизненной ситуации, о том, что женат, что жена на сносях, что рожать будет, вероятнее всего, здесь, в Таре, и вернётся с ребёнком в нашу новую квартиру. Мои слова произвели на неё не большее впечатление, чем шелест озёрного камыша при слабом дуновении ветра. В глубине её воспалённого материнского сознания родилась мысль «а вдруг?», и они перешли в наступление. Хозяйка метала на стол деревенские деликатесы и выпивку, а дочка при каждом удобном случае, хихикая, выставляла напоказ свои прелести.

Пять раз я был в кабинете директора, пока он, наконец, с матами, не заставил электриков заняться проводкой в моей квартире. Я и сейчас в этом никого не виню. Основная задача сельских электриков – обеспечение бесперебойной работы совхозных производств в части, их касающейся. Стройка – это дополнительная головная боль для них, а если учесть её размах, то они просто напросто не успевали вовремя всё делать и, исходя из ситуации, устанавливали свою очерёдность действий. Меня же поджимало время, поэтому я был так настойчив, ломая их планы.

Да, время действительно поджимало. Скорее, это был уже цейтнот. Таня должна была родить со дня на день. В совхозе началась уборка урожая. Весь световой день я проводил в поле и на току. За краской уже не ходил, купил в магазине несколько банок и, ближе к полуночи, при свете электрической лампочки красил кисточкой полы. На кухню так и не хватило.

Когда дом принял более-менее жилой вид, я попросил машину и в середине августа мы с шофёром поехали в Омск, за женой и вещами. Бортовой ГАЗ-53 обслуживал ферму, мы сняли

с него будку и в два часа ночи отправились в путь, чтобы к утру быть в городе. Долго плутали, пока попали на нашу улицу. Водитель знал правила, но, чтобы пробраться на грузовике через все эти Северные улицы и закоулки, он должен был нарушать все мыслимые и немыслимые запреты. Мы ехали навстречу машинам по улицам с односторонним движением, встречные шофера крутили пальцем у виска, и, чтобы не сойти с ума, этот добрый хороший парень сунул в рот незажжённую папиросу и яростно жевал её. Я ничем не мог помочь ему, по этим улицам я ездил только на трамвае. Хотя, кто знает? Может и на машине.

Наверное, есть смысл немного отвлечься и рассказать, как я учился на шофёра. У нас в институте проводились обязательные занятия по изучению автомобиля и практической езде. Плата была чисто символической. Учили ездить на грузовых автомобилях, что-то типа ГАЗ-91, или ГАЗ-93, неважно. Выезжали с инструктором в город и ехали по улицам в потоке машин. Правда, не в центре, а на окраинах, но и там движение было ого-го, особенно грузовое.

Я сижу за рулём и еду. Всё хорошо. Скорость небольшая и какой-то «Кировец» на полном ходу нас обгоняет. Я включаю левый поворот, выезжаю из ряда и начинаю за ним гнаться. Зачем я это делаю, не понимаю, но, тем не менее, делаю. Инструктор тоже не понимает, но молчит. Навстречу идут машины, «Кировец» прячется в правый ряд, я еле-еле успеваю юркнуть за ним. Места мало и машина, которую я был вынужден «подрезать», яростно сигналист. Инструктор молчит. «Кировец» снова срывается из ряда, я, как на верёвочке, за ним. Через минуту мы опять еле успеваем увернуться от встречной машины. Инструктор начинает сопеть, но молчит. Но когда в третий раз, заметив, что трактор снова собрался куда-то улизнуть, я крепче ухватываюсь за руль и на моём лице явственно прочитывается мысль «Не уйдёшь, гад...», инструктор не выдерживает, хватается за руль, врубает правый поворот и останавливает машину на обочине. Руки

его трясутся, он срывает с головы шапку, топчет её ногами и кричит:

– Ну, нах... нах... он тебе нужен? Что ты за ним гонишься?

Открывает дверцу и вылетает из кабины. Через пять минут успокаивается и мы едем назад.

Приходит время экзамена. Теорию сдаю нормально, на практической езде в кабину садится гаишник. Те ребята, что сдали раньше, предупреждают о провокациях со стороны экзаменатора. Допустим, въезд во двор запрещён, висит «кирпич», а он командует:

– Заезжай во двор.

Если поддашься, он с иезуитской улыбкой скажет:

– А ты что, знака не видел?

– Так вы же мне сами сказали!

– Мало ли что я говорю, правила нарушать нельзя.

Запоминаю предупреждение и решаю, что меня так просто не проведёшь. Сажусь за руль, плавно трогаюсь с места, делаю круг по институтскому городку.

– Достаточно.

Возвращаемся туда, откуда выезжали.

– Заезжайте во двор.

Шалишь, брат, не на того напал, ликую я и проезжаю мимо. Милиционер думает, что я не расслышал или не успел сориентироваться и решает заехать в другие ворота, с противоположной стороны двора.

– Заезжай сюда, – громко и заранее командует он. Я хитро улыбаюсь и еду дальше. Тупик. Разворачиваюсь и останавливаюсь возле ворот. Жду похвалы, и, может даже, крепкого рукопожатия, но натываюсь на странный взгляд экзаменатора. Поднимаю голову вверх и вижу, что никакого запрещающего въезд знака нет, как его, вероятнее всего, не было и на первых воротах.

Гаишник подходит к инструктору и что-то ему говорит. Тот издали смотрит на меня и понимающе кивает головой.

Права я получил последним в группе, когда мы все вместе с инструктором «обмыли» корочки (была тогда такая традиция) и девчата упросили его отдать мне документ. В дальнейшей жизни по полям я колесил без проблем, в город самостоятельно ездить боялся, да это было и ненужно, с 26-ти лет у меня уже были сменяющие друг друга персональные водители, которых я стеснялся, но иногда их услугами пользовался. Главное, чтобы машина всё время была на ходу. А урок из той истории вынес жёсткий – не полагаться целиком на чужое мнение, всё анализировать своей головой. Хорошо помогало в дальнейшей жизни.

Ну, ладно. Добрались мы до дедова дома, погрузили вещи в машину, очень тепло простились с хозяином. Таня села в кабину, я залез в кузов, соорудил себе берлогу из тряпок, и мы поехали. По дороге ничего не случилось и к вечеру мы добрались до своего нового дома. Кое-как переночевали, наутро пошли в магазин, купили деревянные кровати с матрацами, ну те, с полированными боковинами, диван, ещё что-то по мелочи, что в дом нужно. Да, просто пошли и просто купили. Даже не в главном магазине, что на центральной усадьбе, а в нашем, отделенческом.

До полуночи во дворе вожусь, клетки в сарае колочу, туалет, что на улице, помню, целлофаном изнутри красиво оббил, чтобы не дуло. *(Вот надо было ему это? Жил бы сейчас в доме у родителей на всём готовом. Работал бы от души, сколько хотел, в клуб ходил, к девчатам неторопливо приглядывался. Жениться ему, видите ли, не терпелось. Совсем головы не было.)*

На работу иду, а сам всей душой дома. Каждую свободную минуту забегая. И уследил. Как раз Володя на своей машине ко мне на отделение приехал, я его позвал пообедать у нас. Только сели за стол, как Таня ойкнула: «Кажется, началось!»

Мы её быстро в машину и в город, в Тару. Оставили в больнице, а сами вернулись. Ночь прошла, какой там у меня сон?!

Еле дождался утра, побежал в контору. Хватаю трубку и звоню в роддом. Кричу какой-то девушке узнать положение. Она

уходит, её долгое время нет, потом трубка оживает, и девушка говорит, что у меня родился сын.

Я не верю, мне кажется, что я ослышался. Заставляю ещё и ещё раз произносить эти слова.

На том конце провода смеются и советуют не терять времени даром, а идти «обмывать» сына.

Мужики, что толкуются возле конторы, с интересом смотрят на меня и жмут руку. Бессмысленно улыбаюсь, всем говорю: «Спасибо». Я откровенно счастлив.

Звоню Володе. Он тоже искренне поздравляет и обещает побыстрее управиться с делами и подъехать. Меряю шагами комнату, кажется, если остановлюсь, что-нибудь случится.

Володя сигналит, я выскакиваю из дома, и мы едем в город. Таня подходит к окну, бледная, с вымученной улыбкой. Кажется всё позади, но тревога не отпускает. Мы знаем, что ещё совсем недавно в роддоме свирепствовала инфекция, унёсшая жизни восьми младенцев. Молю все высшие силы, которые знаю:

– Пусть мой сын выйдет из больницы здоровым!

На обратном пути заезжаем в магазин, набираем вина и оставляем у меня дома. Надо бы выпить, но идёт уборка и мы должны быть на работе. Договариваемся на вечер, как стемнеет. Нас немного, человек 5-6, недолго сидим, утром рано вставать, но традиция соблюдена.

Через пять дней забираем моё пополнившееся семейство из больницы и привозим домой. Можно даже назвать точную дату. Димка родился 23 августа, значит был уже конец месяца. По ночам пошли заморозки, в квартире стало прохладно. Купил у Володи дрова, они с весны лежали у него чурками во дворе. За всё лето он так и не нашёл времени их поколоть. Да ему и не надо, его новый дом-особняк на центральной усадьбе будет подключён к центральному отоплению. Его семья будет жить на застраиваемой новой улице, которую за непривычные удобства и размеры строений жители называют «буржуйской», такое

наименование было распространено тогда по всем деревням и сёлам, где такие стройки имели место.

Позже, когда в Россию придёт дикий капитализм, такие поселения станут иронично-завистливо называть «*долинами бедных*» или как-то так, похоже.

Володя жалуется мне, что вместо того, чтобы работать, он вынужден заниматься ещё и своей новой квартирой:

– Я никак не могу сосчитать, сколько в доме комнат, то ли шесть, то ли семь. Знаю только, что дверей должно быть одиннадцать, а их ещё нет.

Таскаю его чурки в свой двор. Наши дома стоят напротив, прямо на въезде в село, немного наискосок. Теперь по вечерам до первых звёзд колю дрова. В доме две печи. Одна обычная плита на кухне, а в спальне «голландка». Их и топлю, подбирая пока щепки и обрезки, оставшиеся от стройки, сырые дрова сушу рядом с печами. «Голландка» хорошо держит тепло, и в другой спальне, где Таня расположилась с Димкой, от пузатого бока железной печи тянет уютом. Малыш спокоен, много спит, много ест и часто марает пелёнки. Их складывают в таз, а вечером начинаются постирушки. Стираю и я, потом ухожу рубить дрова.

Почему-то плохо запомнилась моя основная работа, видимо она вытиснилась из памяти более важными событиями, рождением Димки, обустройством дома. Осталось только ощущение, что я практически мало чего знаю. Это, как я теперь понимаю, было нормальное состояние, как и у любого другого молодого специалиста, столкнувшегося с глыбой реальности, главное, сделать из него правильный вывод. Кажется, мне это удалось. Я без особых комплексов пережил свою первую профессиональную встряску. Надо было опять засучивать рукава и учиться у действительности.

Мне повезло. У меня оказался хороший учитель. Володя Лыткин, уроженец здешних мест, старше меня на пять лет (армия), закончивший наш институт тремя годами ранее, был не

совсем обычным человеком. Он был агрономом-фанатиком, в самом лучшем смысле этого слова.

Маленького роста, худой, скорее, щуплый, постоянно пыльный, с всклокоченными волосами он и минуты не мог устоять на месте. Забирался на комбайны, лез на верхотуру мехтоков. Уборочные дни и ночи перемешались в его голове, он успевал буквально везде, кроме собственного дома. Сарай его почти развалился, огород пугал сорняками, дверь в дом держалась на одной петле. Володя был на работе, причём он был на ней всегда, даже когда сидел за обеденным столом.

Меня это совершенно не шокировало (*сам такой!*), к тому же я заметил, что никто из односельчан не упрекал его в этой безалаберности, даже в запале спора или ссоры. Подлинная страсть вызывает уважение, и его действительно уважали в селе, гордились, что их Володя стал теперь главным агрономом. Жена его была тоже из сибирских, не местная, но откуда-то недалеко. Она молчаливо терпела, занималась по мере своих сил «бабстроєм» и нянчила маленьких детей. Её терпение было вознаграждено, вместе со своим «непутёвым» мужем она получала особняк на «буржуйской» улице и статус одной из первых дам села.

Учил Володя меня своеобразно. Едет по дороге, свернёт на какой-нибудь пригорок или опушку леса, станет, мы из машины выйдем, а он воздух вдохнёт в себя и говорит мне:

– Смотри, Витька, да не дураком смотри, а чувствуй. Ты видишь, красота то вокруг какая!

И правда, дымка вечерняя, полупрозрачная, лес жёлтый и красный, а в нём сосны зеленеют, птицы в вышине к югу летят.

– Я никуда от этой земли не уйду, это же чудо настоящее!

Лупаю глазами, но такой страсти, как у него, в себе не ощущаю, видимо не созрел ещё. Да и пейзаж, хоть и красив, а душу мою не переворачивает, простора не хватает. Поля маленькие, чуть глаза подынешь, уже и лес. Непривычно после Куспека. Это потом уже, когда сам начал молодых учить нашему делу, и слова мог говорить, как тогда Володя, и верить тем словам.

И чудо виделось, и хотелось лечь на землю, обнять её руками и умереть счастливым в эту минуту. Но некогда было. То посевная, то уборка, то сенокос. А они только глазами моргали. Ничего, достанет и вас в своё время, думал я, только человека в себе не потеряйте, не умрите раньше смерти.

А ещё, если мы ехали мимо тех маленьких, по моему разумению, полей, он рассказывал, какая культура росла на них в прошлом, позапрошлом и позапозапрошлом году. Как тяжело было маленьким всходам, когда после посевной вдруг выпал снег и ударили морозы. Он даже передёрнулся от того воспоминания. Володя помнил урожайность всех этих клочков за все три года.

– Ты рассказываешь так, будто книгу истории полей перед собой держишь, – пытался и я вставить умное слово. Он стучал костяшками пальцев по своему косматому темени:

– Дурак ты, вся книга должна быть в голове, кто эти бумажки читает?

Женщины, которые работали на току, дней через десять после того, как я привёз жену из роддома, сказали мне, что придут к нам в гости проведать молодую мать. Была в том селе такая традиция, да, наверное, не только в нём. Но только женщины, мужики к этому мероприятию не допускались. Если какой по нахальству или незнанию на этот феминистский «шабаш» попадёт, то его на землю повалят, ширинку расстегнут и стакан водки в прореху выльют. *(Вот пусть кто скажет, что бедно жили.)*

Несостоявшаяся тёща обиды на меня не держала и когда я с выпиской пришёл к ней на склад, отвесила мне такой кусок грудины от старой коровы, что я о том мясе вспоминаю до сих пор. Вкуснее его я в последующей жизни не едал, хотя и имел возможности выбора.

У неё новый квартирант поселился, тоже приезжий, разведённый. Дочка с ним под ручку по улице вечером гордо гуляла. Мясо отварил, вина-водки купил. Пришли, посидели, попели, подарок какой-то подарили, дельный для малыша. Всё путём. Начали и мы уже к новым людям привыкать.

Дома тоже, вроде, всё нормально, Димка растёт, работа захватывает, знакомые появились, с соседями подружились, за столом стали вместе сидеть. За клюквой раз съездил, набрал ведро. Места там грибные, ягодные, рыбные. И всё поблизости. Хорошее такое сибирское место.

Люди в селе интересные жили. Трудились в полную силу, да и мало сказать, что просто трудились – мастерами были. Кормодобывающая бригада, которая гремела на весь район, полностью состояла из механизаторов отделения. Я, в основном, с ней и занимался, хотя они с таким же успехом и без меня бы справлялись. Но я был официальным лицом и обмерял те скирды, что они на своих «полянах» ставили. Да, это тоже было мне непривычно, у нас сено свозили на совхозный сеновал, а тут скирдовали прямо в поле и вывозили зимой к фермам по мере надобности. Это оттого, что у них зимой сильных буранов не бывает, лес защищает. И скирда стоит чистая, не задутая, снег ровно лежит.

По окончании уборки у механизаторов появились свободные дни – воскресенья. И люди, не мудрствуя лукаво, в этот день отдыхали: – выпивали. Соскучились по вину. Село маленькое, можно сказать, что одна улица. И вот на этой улице, как в театре, давались представления силами самих жителей. После обеда на её середину выходил самый маленький и тщедушный тракторист из кормодобывающей бригады, которого никогда не было ни слышно, ни видно, рвал на себе рубаху до пупа, стучался в двери домов по обеим сторонам улицы и кричал:

– Выходи! Биться будем!

Никто, конечно, при виде столь страшного противника не выказывал желаний пропадать зря, и только его жена, крепкая бабёнка, заслышав крики мужа, спохватившись, выбегала из дома, брала его одной рукой подмышку и несла домой. Драки видел, разборки, до которых в уборку руки доходили. Один парень хотел другого косой подрезать. Вроде от сестры ухажёра отгонял, по-моему, оба были после отсидки, в деревне не только рабочие

совхоза жили, некоторые в других областях по вахтовому методу работали, в Сибири это норма.

Пару раз в клуб довелось попасть, на вечерний сеанс. Электрика на ток вызывал. Тот хоть и не обязан был, но жену оставлял и шёл со мной. Совежливые люди были.

Все семечки грызут, на пол шелуху сплёвывают, техничка завтра выметет. Мат через каждое слово, и женщины мужикам в этом деле не уступают, половина навеселе. Хорошие люди сибиряки, но только с культурой у них (не хочется обижать исключения), плоховато в то время было. А они и не замечали этого, привычное дело, что в полной мере их и оправдывает. Может сейчас что изменилось в лучшую сторону, не знаю, врать не буду.

Два месяца я на отделении проработал, как, вдруг, на току находят меня первый секретарь Тарского горкома ВЛКСМ и секретарь парткома нашего ОПХ и начинают сватать на должность заведующего организационным отделом горкома комсомола с последующим ростом до секретаря.

– Дело живое, интересное, а агрономом всегда успеешь, – искушал меня улыбчивый Гена Пантелеев. У нас поработаешь, а если не понравится, потом тебе сразу колхоз дадут. Вольной птицей станешь, без отработки, ты только попробуй.

И ведь заронили, гады, сомнение в душу. Какое-то тоскливое беспокойство в ней поселилось. А может, кто Высший сверху поглядел и решил, что пусть он ещё и через это пройдёт, чтобы, наконец, хоть немного поумнел.

Тане дома про предложение рассказал, она ответила, что решай, мол, сам, тебе работать. Но вижу, что особых возражений у неё нет и даже какой-то интерес в глазах появился. Всё-таки скучновато на отделении жить, а там город.

– Ты ведь писал, что не любишь городов?

– Да, не люблю, но меня смутило то, что он небольшой, около 25000 жителей. Я тогда не знал, что зло, которое обитает в городах, не зависит от количества людей, в нём проживающих. К тому же остальные 25000 жили в сёлах.

(Я должен извиниться перед читателями за автора. Он с таким маниакальным упорством ищет в городах злобные черты, что становится на пути прогресса и смущает неокрепшие души селян. А куда же сегодня бедному крестьянину податься, чтобы жить по-человечески? Только в город. Или на вахту. Сам то, вот, в городе живёт, пусть и немецком, но городе. И зла, почему-то, не замечает. Надо будет нам с вами как-нибудь посадить его напротив яркой лампы да задать пар тройку конкретных вопросов: где, когда, и кто, конкретно, завербовал? Посмотрим, как начнёт юлить и изворачиваться этот хренов деревенщик.)

С Володей посоветовался. Он в своей манере обозвал меня дураком и начал скорее на свою сторону перетягивать. Но уже поздно было. Сомнения в голову впились. Молодой был, дурной, жизни не понимал. Вот так просто взял и всё хорошее, что меня окружало и поддерживало, по глупости похерил. Стипендиат, бля, Ленинский.

Нет, не карьера интересовала меня. А вдруг, я мимо своей удачи пройду, может общественная работа и есть моё призвание, ведь получалось же у меня в институте. И решил я рискнуть. Но надо теперь увольняться, значит к директору идти. Зашёл, глаз от пола не подымаю. Не стал он меня ни уговаривать, ни ругать, видать ему уже из горкома партии позвонили, чтобы препятствий не чинил. Подписал он мой расчёт, потом устало в кресле вытянулся и сказал:

– Большую глупость ты, парень, делаешь, ну да потом поймёшь. Я ведь кое-что о тебе знаю, мне рассказали, да и работать ты правильно начал. Сидел бы через семь лет в таком же кресле, – и на стул свой показывает, – да, видать, не хочешь. Пропадёшь там. Если ты агроном, то никогда не сможешь у них работать.

И «До свидания» не сказал, выдал брезгливо: – «Иди».

Это что же я такое делаю, что уже второй авторитетный человек меня за неполные два года в глупости обвиняет?

Современная панорама г. Тары. На переднем плане площадь и здания, в которых, частично, происходили события, описываемые в книге. Остальные главные здания не видны, но они тут, справа от площади.

Глава 2

ТАРА

Стал я работать заведующим организационным отделом Тарского горкома комсомола. Кабинет отдельный, стол, телефоны и два инструктора, мне подчинённые. Всё солидно, я в костюме с галстуком, ни пыли, ни соломы в волосах нет. Сижу, инструкторов по организациям рассылаю, обедаю строго в ресторане. Там все работники учреждений, выходящих на площадь, кто домой не ходил или с собой не брал, кушали, благо, что дёшево. В полтора рубля легко укладывались. Я до сих пор вспоминаю порцию маринованных маслят из местных лесов со сметаной за 28 копеек, которая с трудом умещалась на тарелке и уже одна гарантировала сытость. Не, не привилегия «коммуняка», обычный потреб кооперативный ресторан, который предлагал обед любому желающему покушать. Столовые были дешевле, но до них надо было ещё идти.

Вечером на рейсовом автобусе или попутке ехал домой, а утром, рано, часиков в семь утра выходил на дорогу и «голосовал», чтобы в город добраться.

Квартиру мне ещё не подобрали, но я терпел, не делается же всё сразу. А уже и морозы стали поджимать, холодно на дороге стоять.

Организация большая, «первичек» только в городе 80, да ещё по району 23. На хорошем счету в обкоме, недаром же нашего первого секретаря Пантелеева избрали делегатом 18 съезда ВЛКСМ.

Ротация кадров в комсомоле невероятно быстрая, кто был в «теме», может мои слова подтвердить. Не годы – месяцы. Вот и 1977 не стал исключением.

Секретарём по школам (третий секретарь) стала Людмила Вандышева, работавшая до этого инструктором горкома партии, сменившая Любовь Кичанову, к наследию которой относилась с

подчёркнутым уважением. Люда была широкой натурой и не жадничала.

Вторым секретарём в конце прошлого года стал Лёша Ценёв, мастер из ПМК-110, который был так удивлён этим предложением, что от удивления согласился.

– Если не получится, всегда сможешь вернуться назад. Зато какой опыт!

У Алексея была двухкомнатная благоустроенная квартира от своей организации, которую он ни в каком случае уже не терял, к тому же, в отличие от некоторых глупцов, он был холост, так что терять ему и в этом плане тоже было нечего.

До меня заведующим орготделом работал Коля Ефимов, уроженец здешних мест, выпускник нашего агрофака, спокойный умный парень, какой-то весь положительный, на пару-тройку лет старше меня, но я его по сельхозу совершенно не помнил. Он со своей должности уходил главным агрономом в колхоз им. Ленина на левобережье, очень успешный, кстати, так что за его дальнейшую судьбу не стоило беспокоиться.

Одновременно со мной в аппарат горкома инструктором школьного отдела пришла Надя Аскаленко, которая, закончив педагогический институт в Омске, решила сменить профессию. Она была красивой девчонкой, с симпатичными такими веснушками, очень похожей на популярную тогда артистку Евгению Симонову, ну, ту, из «Афони». Несмотря на то, что мы были ровесниками, я непроизвольно признавал её старшинство, так умно и строго смотрели на людей её внимательные глаза. Если бы я уже знал о Маргарет Тетчер, я бы не раздумывая назвал Надю «железной леди». К тому же она была уже замужем. Хотя и я в холостяках не числился.

В орготделе было два инструктора. «Старожил» Иван Шамара и новенький, который своей совестью нравился мне больше, но фамилию его я запомнил, знаю только, что начиналась она на букву «К». (*Крюков, Клыкков? Прости меня, Володя!*) Они были со средним образованием, но Володя хотел и

работать и заочно учиться.

Финансовой частью горкома заведовал толковый парень по фамилии Павлов, который имел соответствующее образование, но от скуки своей технической должности помаленьку выпивал на работе и, боясь быть наказанным, виновато суетился в присутствии своего непосредственного шефа Гены Пантелеева, который многое прощал тому за профессионализм.

Был ещё шофёр пятиместного «ГАЗ-69».

Вот, собственно, и весь аппарат Тарского горкома комсомола на осень 1977 года.

Кабинет орготдела неспроста назывался «штабом». Именно мы собирали всю информацию из комсомольских организаций города и района и обрабатывали её. Выполнить это в полном объёме было физически невозможно, хотя у нас и было два отдельных телефона: один на моём столе, другой на столе инструкторов. Дело в том, что обком комсомола ежегодно рассылал по горкомам и райкомам формуляры отчётности, сброшюрованные в довольно пухлый фолиант, с обложкой чёрного цвета. Отчётность была еженедельной, декадной, месячной и квартальной. На практике выходило так, что, принимая во внимание внеплановые и экстренные запросы, мне ежедневно приходилось посылать в обком какие-то сведения. Сначала честно звонил по организациям, просил и требовал. Потом я понял, что это и есть тот самый сизифов труд из мифов древней Греции. Тогда положил на стол корешки прошлогодних отчётов и стал с них списывать, благоразумно добавляя, где рубль, где члена, где тонну. Страна строила развитой социализм, правда, ещё без *«человеческого лица»*, и каждый последующий день должен был быть лучше предыдущего.

Но существовали два момента отчётности, по которым фантазировать было нельзя. Это данные о численности комсомольцев в районе и показатели передовиков производства, участвующих в областном соревновании молодых тружеников. Обком требовал роста рядов, требовал жёстко. Прочёсывали район и

город частым гребнем, резерв был только среди учащихся ПТУ и ГПТУ, остальные поголовно вступали в школе. Не брезговали никем, разве только самыми отмороженными, по которым плакала тюрьма. Контроль за приёмом осуществлял орготдел, может быть поэтому, из-за важности вопроса, заорг обязательно избирался членом бюро горкома.

Они заходили в кабинет первого секретаря, где уже сидели члены бюро, и, насупившись, не поднимая головы, становились перед столом. Школьники, те смотрят открыто, с волнением, но открыто, в этом главная разница между ними, хотя есть достаточно исключений с обеих сторон. Они стояли, как партизаны на допросе, многие уже с наколками и на вопрос, зачем они вступают в комсомол, лаконично отвечали: – Надо. Принимали всех, гнали план.

Надо!

Вечером они это дело «обмыли» и устроили драку с поножовщиной. Милиция прислала бумаги, пришлось исключать. Но в отчётности я сначала показал «рост рядов», и только в следующем месяце их убыль.

Правильной была эта политика всеобщего привлечения молодёжи к комсомолу или нет?

Я затрудняюсь однозначно ответить на этот вопрос, но склоняюсь к тому, что правильной. Осуществлялся хоть какой-то контроль над неокрепшими душами, которых манила сладость стаи, силы, улицы и блатной романтики. Оглядывались. В первичных организациях ведь тоже жизнь существовала, пусть на первый взгляд скучная, но те ребята, что закончили училище и хорошо работали, на встречах рассказывали, что люди к ним с уважением за это относятся, а комсомол так прямо на руках носит. Всегда существовали коллективы, где молодёжная жизнь просто кипела, вовлекая в свой бурлящий поток всех неравнодушных. От секретарей на местах многое зависело, от их авторитета и живости характера. Я не буду больше углубляться в эту тему. Приведу лишь слова моей сестры Люды, которая с середи-

ны 80-х годов вместе со своим мужем Лёшей, окончив Омский сельхоз по специальности «Технология обработки молока и молочных продуктов», оказалась в городе Тобольске.

– Знаешь, Витя, мне часто приходилось домой поздно возвращаться, по разным причинам. И вот идёшь ты, трусишь, а на встречу тебе группа ГПТУшников, молодых людей, в общем, это не важно. Явно нетрезвые. Что делать, как мимо них безопасно пройти? И я делала вот что. Поднимала глаза и старалась поймать их взгляды, а, когда ловила, смотрела прямо и мысленно приказывала: – Не смейте! Они расступались, и я проходила. Ещё вменяемые были. А в 90-е взгляды уже не ловились. Наркоманы откуда-то объявились, да много... Идёшь, и не знаешь, что им сейчас в голову взбредёт. Страшно, Витя, было, по-настоящему страшно.

А что касается социалистического соревнования, то тут, как говорится, молодым талантам все карты были в руки. Трудишься, не ленишься, комсомол всегда тебя морально поддержит. Вы не верьте тому, кто говорит, будто деньги – самое главное в жизни. Это сегодня мещанское мурло со своей гнидовской философией из щелей повылезло. Пусть тогда жили небогато по сравнению с развитыми капиталистическими странами, но существовали ещё в государстве честь, достоинство, гордость, добрая слава, уважение, творчество, наконец. Было соревнование на предприятиях, в районе, в области. Лучших отмечали, выделяли, награждали. По труду, справедливо. А как ещё иначе? Комсомол за своих, молодых, горой стоял. Знали, что не всегда им под силу с опытными работягами тягаться, поэтому было своё соревнование, среди молодёжи (до 28 лет).

Я в горкоме этот вопрос среди кучи других курировал, сведения собирал и обрабатывал.

Что такое комсомольская работа в аппарате райкома, горкома, обкома? Это было самое **собачье** занятие среди всех общественных занятий канувшего в Лету СССР. И тот, кто ту школу успешно прошёл, потом уже мало чего боялся на этом свете.

Другая сфера деятельности по любому подразумевала под собой какое-то материальное основание.

Не верите мне, завистники, поверьте Н.А. Некрасову. Перечитайте его поэму «Кому на Руси жить хорошо». А я приведу слова Юрия Порфирьевича Гудкова из сборника, посвящённого памяти С.И. Манякина. С Ю.П. судьба свела меня в Таре в том же 1977 году, когда он с должности первого секретаря обкома ВЛКСМ был назначен (избран) первым секретарём Тарского горкома КПСС. Это довольно редкий случай, говорящий в первую очередь о деловых качествах Гудкова. Обычно «первые» комсомольцы довольствуются более скромными должностями. Я абсолютно верю его словам, потому что он знает, о чём говорит. В 24 года стал самым молодым председателем колхоза в области, попросившись «на передовую» с поста второго секретаря Омского райкома комсомола. Отработал председателем 8 лет, выведя колхоз в передовые. В 32 по настоянию Манякина избран с должности председателя первым секретарём обкома ВЛКСМ. Вот его слова:

– Первым секретарём обкома я «**отдубасил**» пять с половиной лет. Более тяжёлого периода в своей жизни я и не припомню. Честно говоря, после этой работы сил у меня уже никаких не было.

Юрий Порфирьевич не был *задохликом*, он был атлетом под 2 метра ростом.

За работу «на галерах» платили немного. У меня, как у заведующего организационным отделом оклад был 150 рублей, это, конечно, на 10 рублей больше, чем у агронома отделения, но расходы... Кроме того мы получали какие-то премиальные. Небольшие, рублей 20, и не каждый месяц. Я так полагаю, что среди райкомов тоже шло соревнование по результатам труда, вернее по показателям, отсылаемым в обком. Оттуда нас стимулировали. Нет показателей – нет премии. Начнёшь мухлевать – получишь по морде. В обкоме была ревизионная комиссия.

На работе находились столько, сколько было нужно.

Подошло время городской отчётно-выборной конференции. Серьёзное мероприятие, именно на нём делегаты могли совершенно официально разнести нас (бюро) по косточкам. Причём голос «снизу» был равен голосу «сверху».

Принципа демократического централизма никто не отменял, и комсомол, как серьёзная организация, чтит свои основы.

Работали в тот период до 9-10 часов вечера, порой засиживались до полуночи. То есть днём была обычная текучка, а вечером вопросы конференции. Готовили необходимые бумаги, писали свою часть отчёта. В воскресенье обязательно какое-нибудь мероприятие в городе, надо присутствовать. Зачастую и по деревням культурно гуляли. Разъезжались, кто куда, загодя, или в воскресенье, на рейсовом автобусе. Надо было пару слов народу сказать, благословить праздник. Прибавим сюда отчётно-выборные собрания в организациях и смотры художественной самодеятельности на местах. Плюс вечера отдыха.

Дома я практически не жил, приходил только переночевать, да и то не всегда, если были командировки в сёла. Какой жене это понравится? Правильно, только вдове.

Квартиру мне дали, в конце ноября, наверно. Деревянный барак, их много было тогда в Таре, оставшиеся 50 и сегодня являются головной болью руководства города. Это я недавно в интернете прочитал, когда решил из-за записок поинтересоваться местом, в котором прошли мучительно-интересные месяцы моей жизни. Руководит районом и городом Надя Аскаленко, мой добрый товарищ той поры, вернее, она избрана первым заместителем главы администрации района, но Надя, без сомнения, решает множество основных вопросов. Теперь, вроде бы, представляет район в правительстве Омской области. Сенатор местного разлива.

Там был один сюжет, где люди говорили о ней, наверно, в честь юбилея. Хорошо говорили, с теплотой. Сын её, тогдашний майор Тарской милиции, с уважением и какой-то гордостью за мать, рассказывал, что она, будучи председателем городской

призывной комиссии, имея полную возможность по какой-либо причине оставить его дома, подписала все полагающиеся бумаги и отправила служить. А ведь это были страшные 90-е.

– Живи своим умом, – сказала она ему.

Привет, Надя.

Глава 3

Я И ЛЕНИН

В покосившемся и скрипучем от старости бараке мы занимали на втором этаже комнату и кухню, в которой стояла печь. Туалет и сарайчик для дров на улице. Вода из колонки. Красиво. Контрастно. Чёрные стены деревянных срубов и белый снег зимы. Северные виды начали покорять меня, особенно в таёжных сёлах. Без сомнения, я полюбил бы Сибирь, как уже любил североказахстанские просторы с их степями, лесами, сопками и озёрами. Нужно было только время, покой и умиротворение. Ни того, ни другого, ни третьего тогдашняя моя жизнь предоставить не могла

У нас были солидные соседи. Две квартиры из четырёх занимали начальник финансового отдела Тарского горисполкома со своей красивой женой, которая руководила отделом культуры. В одной из квартир они жили, другая была под завязку заставлена мебелью. Другой наш сосед, Владимир Непомнящих, с замечательно умными глазами, бывший секретарь парткома совхоза, закончивший ВПШ (Высшую партийную школу), в настоящий момент был назначен заворготделом горкома КПСС и жил в бараке один, без семьи, в ожидании окончания строительства нового благоустроенного дома, в котором ему была обещана квартира. В этом волшебном доме квартиры были обещаны всем, в том числе и мне. И только финансист со своей, действительно, прекрасно выглядевшей, несмотря на предпенсионный возраст, женой, не смотрел в его сторону. У них был свой собственный (государственный) деревянный особняк в центре города, который сейчас капитально ремонтировался за государственные же деньги, но настолько тщательно, что реставрация должна была занять год, включая подключение к системе центрального отопления и водоснабжения.

В этом не было чего-то противозаконного. Большая часть жилого фонда СССР принадлежала государству, и оно должно было заниматься его эксплуатацией и ремонтом. Это был подарок уважаемым людям перед выходом на пенсию. Но, как всегда, сам факт особых льгот для чиновников вызывал неприятие и осуждение остальных жителей города. Хотелось всё-таки равноправия и справедливости, дух которых витал в тогдашнем гражданском обществе. Это очень интересная тема: о справедливости, равноправии, и льготах в условиях дефицита жилья. **По справедливости для того, чтобы восторжествовало равноправие, особняк нужно было снести с лица земли, чтобы он никого не смущал.** Станный вывод, но он напрашивался сам по себе. Особняки органично смотрелись в царской России, неплохо украшают землю и сегодня, правда, вынуждены отгораживаться от ненависти менее предприимчивых, а, может быть, более совестливых людей, монументальными оградами. При социализме особняки не смотрелись и не приветствовались, глаз больше радовали дворцы (пионеров, культуры, спорта, съездов, бракосочетаний и т.д.), и это при том, что одним из основных революционных лозунгов большевиков был «**Мир хижинам, война дворцам!**». Развернулись в марше, оправдываясь тем, что современные дворцы, по справедливости, принадлежат всему народу.

Я, теперешний и вчерашний одновременно, утверждаю, что сегодня развитым капиталистическим странам, той же Германии, такие базовые понятия социалистического общества, как равенство и справедливость, присущи в большей степени, чем уважаемому мной СССР. Но это только из-за богатства, случись что нехорошее, одеяла на всех не хватит. Тем и величественна моя Родина, что пыталась под своим лоскутным обогреть всех.

За год до смерти отца Лёша и Люда забрали наших родителей из Куспека и купили им дом в зверосовхозе рядом с Тобольском. Не пугайтесь названия, оно означает лишь то, что хозяйство занималось разведением и выращиванием пушных зверей. Мы приехали к ним в гости из Германии всей семьёй. В один из дней,

за столом у нас был разговор, и я сказал, что благодарен судьбе за то, что она позволила мне **власть поработать**. Я имел в виду не только сам труд, но и **творчество**, которое присуще моей профессии.

Уважаемые читатели. Должен обратить ваше внимание именно на эти слова, потому что без их осмысления будет непонятна логика всех последующих событий. И ещё. Моё восприятие окружающей действительности и живущих в ней людей осуществлялось по очень простой методе: **или ты с Лениным и со мной, и мы вместе строим новый светлый мир, или ты наш враг**. Оно родилось и жило во мне. Это было интуитивное ощущение планетарного масштаба, что-то вроде $E=MC^2$, и то, что Эйнштейн показал миру язык, а я потом попытался подёргать за хвост время, является их следствием.

Справа Ленин

Ленин у меня был не конкретно Лениным, хотя и им тоже («фотографией на белой стене»), но олицетворял собой всё то самое хорошее, доброе и человеческое, что было в социализме, при воспоминании о котором сегодня у нормальных людей **яснеют** лица.

Что касается меня самого, то здесь ситуация выглядела сложнее. В отличие от тибетского Далай-ламы я жил на земле в первый раз и добросовестно наступал на раскиданные повсюду грабли. *(Подумаешь, он наступал, а другие, что, по воздуху порхали и шишек себе не набивали?)* У людей есть кожа, у некоторых она очень толстая, у меня, как мне казалось, её не было совсем. Или содрали незаметно, или просто не выросла. Я был очень восприимчив к несправедливости. Это больно и неудобно. Я бы скоро пропал, но Ленин меня спас. Мы создали собственную организацию, очень мощную. В неё вошли все работающие люди, талантливые, самоотверженные, пусть не всегда, но в трудные минуты забывающие о себе и думающие только о деле, короче, такие, у которых «понедельник начинался в субботу» или неделя не кончалась никогда. Вы видели гранит с его спрессованными частичками? Это были мы, и гранит находился внутри меня. Монолит, покрытый плотью без кожи. Я оценивал людей только по степени их **искренней самоотдачи ради общего дела** и никакие, даже самые высокие чины, не могли на эту оценку повлиять. Себя судил точно так же, не понижая планки. Дом и личное благополучие в моей системе не котировались, я знал, что самоотверженный труд рано или поздно вознаградится сам по себе, и не стоит на этом заикливаться. Это не важно. *(Господи, бедные жёны, какую змею на груди пригрели.)*

И в то же время я никогда не был фанатиком, я был обыкновенным человеком, робко и любопытно ступающим по полю жизни. Все страсти человеческие кипели во мне, мир пробовал на прочность обнажённые нервы, и я реагировал на эти прикосновения. Как меня воспринимали другие люди, я не могу сказать.

Наверное, неоднозначно: это я был с Лениным, у других могли быть союзники и попрacticalнее. Скажут – приму, к святым меня отнести трудно.

Я настроенно относился к Ивану Шамаре, хотя и жалел его. Они с женой потеряли новорожденного ребёнка, эта боль мучила его, я воспринимал это особенно остро, пережив страх инфекции Тарского роддома, но что-то меня в Иване смущало. Он не был с Лениным и со мной, он не был крупинкой нашего гранита, он был только попутчиком. И, не имея глубоких знаний, позволяющих поступить в институт, выбрал для плацдарма построения своей будущей благополучной жизни горком комсомола. Иван был по своей сути боец, и это мне в нём до сих пор импонирует, хотя цели у нас были разные. Он женился на своей же тарской девчонке, мать её была торговым работником, на свадьбу им подарили цветной телевизор, огромная бандура, с трудом помещающаяся на столе их маленькой каморки, полученной Иваном от организации. Наверное, стоя на коленях перед телевизором он поклялся своей юной пухлой жене, что она не пожалеет о том, что вышла за него замуж.

Иван хотел стать мещанином, хотел страстно. Он, как и многие другие, не видел в этом определении ничего плохого, но для меня тогда, да и сейчас, пожалуй, этот образ жизни был как красная тряпка для быка. Конечно, мы вели в кабинете какие-то разговоры, и каждый высказывал свою позицию по жизни.

– У вас философия голодранца, Виктор Михайлович.

У меня нет зла к Шамаре, я просто хочу на его примере показать, что в аппарате горкома работали разные люди. Он покрутился два года перед глазами городского начальства и когда возникла вакансия на место директора банно-прачечного комбината, предложил свою кандидатуру. Его утвердили, и я был рад за него. Из Ивана должен был выйти толковый управляющий. Чему, чему, а работе с людьми комсомол учит.

Как ни странно, но к попутчикам я относил и нашего первого секретаря Гену Пантелеева. «А судьи кто?», – вправе возму-

титься Гена. Мне интуитивно не нравились два момента. Гена, как и Иван Шамара, по своему телосложению был пухлым, что вызывало у меня при взгляде на них образ Мальчиша-Плохиша, со всеми вытекающими отсюда негативными ассоциациями, кроме того, он неискренне улыбался. После хромовых сапог на гражданских ногах пухлость персонажей (если это не было следствием болезни) и неискренность улыбок вызывали во мне устойчивое неприятие. Вторым моментом было то, что тот и другой думали, кем они станут, когда истечёт срок их сегодняшних полномочий. Карьерные устремления тоже вызывали во мне некую настороженность. Их прощали только военным и милиционерам, то есть тем, кому хромовые сапоги полагались по службе.

Я тогда ещё не читал Булгакова, но, откуда-то, совершенно точно знал, что никогда не надо ничего просить, особенно у тех, кто сильнее тебя. Работай с полной отдачей и в какой-то момент **они** придут и дадут тебе всё.

Они нуждаются в тебе больше, чем ты в них.

(Да, это верно, но есть один момент. Ты должен наряду с работоспособностью обладать ещё и талантом.)

После секретарства Геннадий Пантелеев был возвращён в аппарат горкома партии заведующим отделом пропаганды, потом стал 3-м секретарём, затем учился в ВПШ, дальше его следы для меня теряются. В отношении Гены у меня тоже нет зла, скорее я отдаю дань его интеллектуальным и деловым способностям. Неискренность улыбки же можно отнести лично ко мне, поскольку я оказался не совсем таким заворгом, какого он желал, а непонятным котом в мешке.

Нет, всё нормально, выбрал профессию партийного работника, очень непростую, кстати, и времязатратную. Вполне возможно, что другие соратники оценят его иначе, чем я, что меня только порадует.

Лёша Ценёв тоже стал партийным функционером, но для меня он с самого начала был «свой». Алексей «дорос» до долж-

ности второго секретаря Тарского горкома, а успел ли достаточно потрудиться в этом качестве, не знаю. Партия «сдулась».

Но настоящей звездой на комсомольском небосклоне Тарского района была Люда Вандышева. Ярчайший человек, искренний, толковый, работающий. Глядя на неё, верилось, что всё, чем мы тут с утра до ночи занимаемся, не напрасно, а служит какой-то величественной цели, в суть которой она, единственная из нас, была посвящена. Это мы таскали тяжёлые камни, проклиная, порой, всё на свете, а Люда, нагруженная вдвое, втрое больше, строила свой заветный собор. Таких людей вообще мало, и я благодарен судьбе за встречу с ней. Заглаза её называли Лизой Разгуляевой, в честь учительницы из села Мартюшово, убитой кулаками во времена коллективизации, для увековечивания памяти которой Вандышева сделала много. Ни у кого не было сомнения, что живи Людка в то время, она кончила бы так же.

Сейчас я покажу вам фотографию. Она из той поры.

Здравствуй, Люда.

В 2018 году, в честь 100-летия со дня образования комсомола, местная газета взяла интервью у Людмилы Алексеевны Вандышевой. И она им сказала:

– В ту пору молодёжь жила интересной и удивительной жизнью. Тарская комсомольская организация всегда была на хорошем счету. Был такой задор, такая закалка. Старались жить не столько для себя, сколько для людей. Только теперь, спустя много лет, понимаешь, что комсомол был для нас не просто организацией, это была многогранная форма нашего бытия.

Мне нечего добавить к её словам. Люда знает об этом больше и лучше других.

Такие люди не делают больших карьер, они сгорают ещё там, на «передовой», но задают такую планку высоты, которая предостерегает других от простых решений, продиктованных сиюминутной выгодой, и вообще предостерегает, в качестве совести. *(Ей хорошо было, она с учениками работала. Самая благодарная и организованная часть молодёжи. Они взносы платили по 2 копейки).*

После секретарства Люда работала в аппарате горкома, наверное, инструктором, потом секретарём парткома «ОПХ им. Фрунзе», где мы с ней опять же могли встретиться, не затай я своего «комсомольского» эксперимента. В 2013 году была, по сведениям интернета, директором Центра детского творчества в г. Таре. Она местная, поэтому её жизнь там и протекала.

Глава 4

ГОСПОДИН, ПОМНИ О МАССАГЕТАХ

Но вернёмся к моей жизни. Обстановка в доме накалялась. Наверное, многие мужья могут рассказать истории и пострашнее, но мне хватает своей. Жена называла меня теперь только по фамилии, в речи её всё чаще стали проскакивать злобные выражения (она выросла в Сибири) и я явственно ощущал, что все её чувства ко мне спрессовываются в ненависть. *(Такой личный неприязнь она испытывала к потерпевшему, что кушать не могла.)*

– Это к тому образу жизни, который ты ей предложил, – прокомментировала Лида записи в тех, погибших потом, тетрадях, которые она внимательно прочла «с карандашом в руке».

Однако это не помешало ей самой в куда более комфортных условиях той же жизни со мной, затеять бракоразводный процесс, поэтому я её словам не верю.

Я вообще сегодня настороженно отношусь к женщинам. Мелкие, злобные, вздорные, лживые, завистливые, поперечные существа. *(Похоже, что у него всё либидо закончилось, один холестерин остался.)* Мужики, они ведь простые и добрые по своей сути, если и обидят, то не со зла. Так получилось. У женщин в природе больше звериного, чем человеческого. Правда, говорят, будто проявлять эту их звериную сущность им помогаем именно мы, мужчины, а они, светлые, заботятся о продолжении рода, поэтому им позволительно делать всё, что заблагорассудится. Может и так, но не надо смотреть на всё упрощённо. Была голубка и, вдруг, стала змея.

Была голубем, не спорю, но и змея в ней жила, ждала своего часа, свернувшись клубком на дне души. Да и голубка тоже сомнительный образ для выражения непорочной женской сущности. Вы видели, как голуби заклёвывают до смерти своих ослабевших товарищей?

Нельзя доверять им мир. Лучше он никак не станет.

– Остановись, неразумный! – гласом с Олимпа восклицает Мир. – Ты на кого слово поднял, они ведь тебя растерзают и следа не оставят. Все знают о том, кто такие женщины, и то, что они тайно говорят друг о друге – истинная правда. Но, молчи, молчи, несчастный, этого не произносят вслух. Извинись сейчас же, может тебя и оставят в живых. О, Боги, куда он свой нос сунул!?

– Не бойсь, Мир, не такой вода плавал. Я не самоубийца. Я просто один из последних бойцов. Большинство наших взято в плен и влачит рабское существование на коротком поводке, самые отчаянные пропали без вести или уже давно в могиле. Враг силён и злобен, но в его рядах нет единства. Брось Слово разъярённым фуриям, и они уничтожат друг друга за право называться самой доброй, самой кроткой, самой мудрой, самой заботливой, самой красивой. Что, думаешь, не бывает хороших женщин? Бывают, ещё как бывают. Матери, сестры, дочери, любовницы и все те, которых мы близко не знаем. Отдельным списком проходят Эммы. Их, вайберов, вообще трудно классифицировать, и они этим пользуются, создавая свои лживые мифы, опровергать которые никому не разрешают. Такой вой поднимут, что лучше с ними не связываться, себе дороже. У, спутницы жизни!

Ну как ты их рассортируешь, если она одному жена, другому мать, третьему сестра, четвёртому дочь, пятому любовница, шестому бабушка? Да ещё Любовь эта, проклятая, страшная до невозможности сила, которой никакие законы не писаны, она через всё переступит.

(Это мужчины так о женщинах рассуждают, широкой души натуры, те же примитивно категоричны и в их лексиконе существует только одно слово – козлы. Этим словом они обычно называют тех, кого не смогли сделать баранами. У них с логикой напряг. Не помню, кто сказал, а может это уже народная мудрость: если женщина вас ненавидит, значит она вас или любила, или любит, или собирается полюбить.)

Что хочешь думай, но женщины и мужчины различаются диаметрально.

– Я бы его убила, ему ничего не надо, его пока не пнёшь, он не пошевелится.

– Муж приходит домой и спрашивает служанку, чем сейчас занимается его жена?

– Она собирается в кино.

– А вы не знаете, она одна идёт или вместе со мной?

Писал книгу, решил на несколько минут прерваться и выглянул в окно. Весна, деревья во дворе ещё не распустились, на перекладине нашей деревянной качели сидит Сюзанкин кот, взятый ею из приюта для животных, и, обласканный жизнью, с высоты, сыто и довольно поглядывает по сторонам. Он неплохой котяра, общительный, Сюзанка в нём души не чаёт, я с ним тоже люблю при встрече поговорить, но он, пережив Tierheim, немного себе на уме, в отличие от Лидинового домашнего простодырого Васи. Это он сейчас, повинаясь природе, стал ловким, скрытным охотником, а тогда... Да вот и они, легки на помине, манкуны. Впереди, понунив голову, серый в подпалинах, очень красивый породой, шествует Чинганчгук. За ним ещё более крупная, рыжая Покахонтас (Дуся). Чинганчгуку похер, кто сидит на качели. Их всего три, свободно гуляющих представителя семейства кошачих из нашего дома, поэтому места хватает всем. Но Дуся не разделяет либеральных взглядов своего, как она считает, младшего брата и, ускорив шаг, останавливает того лапой. Вася поворачивается и смотрит, не предпринимая никаких действий. Да Покахонтас этого и не надо, ей главное показать Сюзанкиному коту, что их двое, против его, чьма. Она лезет по деревянным перекладинам вверх, ползёт, становится перед противником и раздувает шерсть на груди, сопровождая всё это страшным мяуканьем. Сюзанкин кот, оскорблённый до глубины души такой непонятной агрессией, ибо только вчера они с этой самой соседкой мило общались, мяучит в ответ что-то возмущённое, но, в целях собственной безопасности, спрыгивает с высоты вниз и убегает жаловаться хозяйке. Удовлетворённая Дуся спускается по перекладинам вниз и разрешает брату идти дальше.

Вы бы видели, как она вела себя в компании женщин, когда те собирались по праздникам у нас в зале в кружок и начинали обсуждать свои дела. Покахонтас бросала всё, ложилась на подоконник, занимая его практически полностью, и, восторженно блестя глазами, внимала каждому слову. Она не была кошкой, она была женщиной, может быть даже более искущённой, чем те, что сидели на диване. Глядя на неё в эти минуты, я понимал, что, действительно, кошки живут несколько жизней, ничего не забывая. (*Мало прожила, рыжая красавица, у неё оказался порок сердца.*) Что в это время делал Чинганчгук? Искал в доме угол, где можно было бы спокойно передремать, не опасаясь, что Сашка с Яшкой его найдут.

Самое тяжёлое для меня – писать о своей тогдашней семейной жизни. Меня просто выворачивает наизнанку, когда я о ней думаю. Пытаюсь вспомнить хотя бы пару светлых дней подряд без надрыва, и не могу. Только когда дети рождались. Уже больше месяца бьюсь над этими страницами и не могу сдвинуться с места. Мозг защищается и не хочет воспалённый бред сумасшедшего переводить на человеческий язык. А надо. Иначе грош цена будет моей книге.

Но сначала расскажу одну историю.

Поселилась на нашей Целинной улице, там, ближе к Дачной, молодая приезжая семья. Половина дома, не хоромы, конечно, но жить можно, и сарай есть и огород, все так жили и рады были. Ребёнок у них маленький. Жена дома, муж работает. И вот стала баба Катя замечать, (*это она к нам домой приходила и все детали этого дела докладывала*), что как только муж домой придёт, у них сразу же шум до потолка, ругань начинается. Да такая громкая, что вся улица уши настораживает, *интересно же*, причём слышен только женский крик. Стала баба Катя к ней чаще заходить, разговаривать, помогать по-соседски, с дитём сидеть и всё интересовалась, чего они поделить не могут?

– Ах, вы ничего не понимаете! Он плохой! (*Грамотная была*).

– Да какой же он плохой, ты что говоришь? Не пьёт, за домом следит, вон, сарай полный, дрова, сено, огород чистый, ребёнок к нему тянется. Тебе не знает, как угодить. У людей ведь тоже глаза есть. Ты что? Совсем уже дура?

– Ах, вы ничего не понимаете!

Это баба Катя, то, не понимала? Я хорошо помню, как она зимой, босиком, в одной ночной рубашке по ночам к нам прибежала прятаться, когда пьяный дядя Ваня её *гонял*. И Аширбекову не жаловалась, как некоторые, которые чуть что, сразу полицаев вызывают.

Закончилась эта история тем (*ох, закончилась ли?*), что однажды после истошных криков вдруг наступила непривычная тишина. Она настолько поразила соседей, что они решили посмотреть, что случилось. Собралась небольшая толпа любопытных, и я, пацан, в ней тоже случайно оказался.

В проёме двери сарая была видна копошащаяся мужская фигура, обречённо перекидывающая верёвку через перекладину. Перед дверью с ребёнком на руках стояла его растрёпанная жена и волчицей кидалась на каждого, кто пытался к ней (двери) подойти.

– Ты что творишь, он же повесится! – кричали люди.

– Пусть вешается, пусть, так будет **лучше для всех!**

Сосед из дома напротив, бригадир первой полеводческой бригады Виктор Райфшнайдер не выдержал идиотизма ситуации, отбросил её с дороги и спас парня.

Я потом тайно наблюдал за ней. Мимо нашего дома за день проходило много людей, в том числе и она. Шла с высоко поднятой головой несчастной жертвы.

После этой истории мне будет легче писать свою.

– Ты думаешь, я не предпринимал мер, чтобы наладить отношения в семье? Предпринимал, но они не увенчались успехом. Все объяснения о специфике моей работы и призывы к терпению вызывали лишь встречный поток слов. Красивая соседка, знавшая изнанку чиновничьей жизни не понаслышке, жалела нас

и всегда соглашалась побыть с Димкой, чтобы Таня могла сходить в магазин или ещё куда надо. Она приветливо мне улыбалась, подбадривала, но однажды я заметил, что улыбка сошла с её лица и взгляд стал подозрительным, хотя я никаким боком перед ней не провинился. Это спутница моя приступила к своему излюбленному в дальнейшем занятию – оговору.

Свою часть семейных обязанностей я исполнял. Зарабатывал деньги, покупал еду, приносил воду из колонки, растапливал печь, стирал пелёнки, по ночам караулил Димку и качал кровать. У жены моей на фоне злобы развилось нервное расстройство, она не могла спать, беспрестанно ворочалась на своей кровати и с укором поднималась, принимая сына для кормления.

Кончились дрова, я попросил секретаря комитета комсомола из Мартюшово помочь мне, и он на «Беларусе» с тележкой, привёз за 30 километров из-за Иртыша пару кубов берёзовых чурок, полусырых, конечно, но закинул немного и своих сухих поленьев для растопки. Советский Союз был богатой страной, и мог позволить жившим в нём людям куда больше свободы действий, чем сегодняшняя Россия с её денежными отношениями.

Я познакомился с этим хорошим парнем, когда приезжал в колхоз им. Лизы Разгуляевой на отчётно-выборное комсомольское собрание. Ночевал у него дома, где он жил со своими родителями. Много говорили перед сном, возникла такая душевная симпатия. Я спросил про дрова, этот вопрос мучил меня последние недели, заставляя, порой, воровски прихватывать пару поленьев из объёмистых полениц соседей по бараку, но до весны было не дотянуть. Я спросил, он сказал, что не проблема. Лес на стройучастке есть, ребята помогут распилить, трактор с тележкой попросит у брата.

Спасибо тебе. Имя и фамилию забыл, а лицо помню. Я ничем не мог содействовать его дальнейшей карьере даже за два кубометра дров. Все и так знали, что он хороший секретарь. На этой должности ребята в сёлах получали только жизненную закладку, позволяющую им потом не теряться.

Встретил в городе своих однокурсников. Семинар был кустовой на базе Тарской опытной станции, ребята в гостинице жили. Обрадовались все. Что, да как, кто где? Домой их позвал, сыном хотел похвалиться. Купили гостинцев, пришли. Я тихонько так в дверь стучу, чтобы не разбудить Димку, если он спит, а тихо всё. И ведь чувствую, что за дверью стоит, а не открывает. Я уже громко ситуацию объясняю, что гости пришли, отворяй ворота, жена! Слышу, она крючок накинута. Мне перед ребятами стыдно, в глаза им не могу смотреть.

– Ты что творишь, гадина?

Развернулись мы и пошли в ресторан, благо он допоздна работал. Хотел напиться, но хмель меня в тот вечер не брал. Около полуночи, проводив ребят до гостиницы, вернулся в свой барак и саданул ногой в дверь.

– Открывай, ...! Или сейчас дверь откроется, или я разнесу её вдребезги.

Чиновница из своей квартиры выглянула, осуждающе покачала головой, вот ведь как всё за один раз подтвердилось. Татьяна же предупреждала, что я пьяница и зверь, а она ещё сомневалась.

Открыла, и Димку перед собой держит, мне суёт, думала, что я её бить буду.

– Не бойся, не стану об тебя руки марать.

Перестали разговаривать. Неделю молчим, две. Каждый свои дела по дому делает и всё молча. Только на работе душой и отходишь, да, видно, не совсем. Зашла ко мне в кабинет Люда Вандышева и спрашивает осторожно, чтобы не обидеть:

– Что с тобой, Витя? Ты уже сам на себя не похож.

Не выдержал я, рассказал про своё существование, совета попросил.

– Ладно, не горюй. Я к вам вечером зайду, попробую с твоей женой поговорить.

И точно, пришла, познакомились.

Не буду утверждать точно, что один из этих барачков был местом нашего проживания в славном городе Таре, но сам тип домов очень похож.

Я, чтобы не мешать разговору, в сарайчик пошёл, дрова колоть. Через полчаса вернулся. Морозно было, да и не видать уже ничего, того и гляди, сам себя топором поранишь.

Поднимаюсь наверх, подхожу к двери и слышу, что там уже не разговор, а лекция. Жена на меня волокёт, да такие гадости, что мне и жизни не хватит, чтобы столько зла совершить. А Люда, бедная, только и может, что вставить:

– Да неправда всё это. Мы ведь тоже его уже знаем.

Потопал ногами перед дверью, чтобы они услышали, зашёл. Люда сразу засобиралась. А когда провожал её, сказала:

– Извини, Витя, не получилось у меня с разговором. Не слушает она ничего и понимать не собирается. Разбирайтесь в своей жизни сами. А что у неё с глазами?

Стали жить дальше, врагу бы такой жизни не пожелал.

– Ну так развелись бы, – слышу я голос Мира.

– Ты что, совсем уже очумел? Там ведь ребёнок мой, как я их мог бросить? Как потом людям в глаза бы смотрел?

– Но ведь разошлись же? Пять лет ещё промучились, кому от этого лучше стало?

– Ты прав, никому, но ситуация сложилась иная. Она сама задумала расстаться. Слава Богу, у меня хватило ума не убеждать её и особо не препятствовать.

– А чего она от тебя вообще хотела, там, в Таре?

– Знаешь, Мир, чужая душа – потёмки, а душа женщины, которая не любит своего мужа, это вообще мрак. Наверное, она хотела всё и сразу, а спроси, чего хочет, не смогла бы ответить.

– Ну, нах... нах, Дарвин обезьян изучал? Надо было баб изучать, хоть знали бы чего от них ожидать, – в сердцах вскричал, обращаясь ко мне, степенный хозяйственный мужик Коля Швиглер, буквально ни за что получивший скандал от своей миниатюрной жены. *(Это они для профилактики делают, чтобы мужики страха не теряли и жизнь им мёдом не казалась, ну и перед другими бабами свою крутость показать, повыделываться.)*

Мне кажется, она хотела иметь через меня благоустроенную квартиру, причём, желательно, новую, чтобы не возиться с ремонтом. Мысль о разводе, несомненно, посещала её, даже если она её и отгоняла, и одной с сыном ей хотелось остаться в приличной квартире, в которой не надо было заботиться ни о воде, ни о дровах. Не буду этого утверждать категорично, но женщины, желающие сохранить семью, не ведут себя так, как вела себя она. *(Не надо искать во всём злой умысел, иногда причиной является самая обыкновенная дурость, а поговорить по-человечески, по-доброму, не могут, злоба их душист.)*

Ещё она хотела, чтобы я ей беспрекословно подчинялся. Как та дрессированная собака. *(А это вы умаетесь.)* Ты меня, Мир, знаешь, я человек лояльный, и, если ко мне с добром и по понятиям, я горы могу своротить. Но, чтобы по понятиям, чтобы

светлое человеческое начало присутствовало. А его, этого светлого начала, как раз и не наблюдалось. Вместо него была белесая муть, которая клубилась вокруг меня, и я блуждал в ней, натываясь то на острый угол мебельной стенки, то на вывеску санатория, то на бампер машины. Мне не нравилось быть собакой, которой дали команду «Ищи!», я хотел руководствоваться своими приоритетами. Что, думаешь я против материальных благ? Нет, конечно, но **сначала дело**. *(Ведь врёт же всё, гад, следы путает. Знаем мы его «материальные блага». Накупил бы книг на все деньги, расставил по полкам вдоль стен и радовался, как дурачок. Таким тоже волю давать нельзя, построже надо.)*

Ну ведь можно было жить! Временные трудности, да и какие трудности то? Жизнь обычная. Перед моими глазами вставляли картины детства: переезд, землянка, крысы, болезнь, сугроб снега перед кроватью, скандал при вселении в дом, вечное отсутствие работающего в бригаде отца. И бесконечные хлопоты нашей терпеливой матери, которая ни разу не упрекнула своего мужа в отсутствии. Нет дома, значит зарабатывает деньги.

В голове не сходились концы с концами, я недоумевал, но и представить не мог, что всё запутается ещё больше.

– Иди, и добивайся квартиры, – это была её дежурная фраза по утрам.

– Был, спрашивал, сказали, что сейчас, зимой, никакой возможности нет, вот весной ПМК дом сдаст, будет движение.

Я не ходил и не добивался, мне было стыдно просить, хотя после очередного скандала я и был близок к капитуляции.

Горком комсомола располагался в здании горкома партии. Естественно, люди встречались, здоровались. Несколько раз я ловил на себе доброжелательно-испытующий взгляд Гудкова, но ни разу не обратился к нему со своей просьбой.

– Молодец, Виктор, выдержал, – сказал Юрий Порфирьевич при очередной встрече в коридоре здания. На этой неделе состоится заседание жилищной комиссии горисполкома. Будет вам квартира.

– Вот смотри, Мир, я ему ни разу про это не говорил, а он всё знал и ко мне приглядывался.

– Ну, значит, толковый руководитель.

В новом доме квартиры нам не досталось. Да и не могло достаться, иначе это было бы несправедливо по отношению к другим людям, которые работали давно и довольствовались худшими условиями жизни. Не всё сразу. Вот ты мне что хочешь говори про Советский Союз, но я знаю, что он по сути своей был справедливым.

Не велика птица – завоорг горкома комсомола. Сказали идите, смотрите своё новое жильё. Мы пошли. Квартира, как квартира, однокомнатная в «хрущёвке», но зато в центре. Рядом с работой, все удобства: и ванна, и туалет, и отопление. Маловата, конечно, но до нас там семья с двумя детьми жила, умещались же как-то.

Жена в дыбы: «Не пойду я сюда жить, пусть лучшую дают».

А мне, если наперекор, я за словом в карман не лезу:

– Тебе вообще никакую не дают, ты ещё не работаешь. И я только пять месяцев, большего мы не заслужили. Будем трудиться, будут и другие квартиры, не век тут жить.

Взвилась она ласточкой и полетела в кабинет Первого секретаря.

– А мы вас не знаем, уважаемая. Мы знаем вашего мужа и даём ему пока эту квартиру. Будет работать дальше, будут у вас и другие варианты.

– Не пойду я туда жить, хоть вы меня убедите.

Уткнулись мы в задницу жизни. Затаила она на меня злобу ещё сильнее, хотя, казалось, куда ещё больше. Но нет предела совершенству.

Здесь самое время сказать, что стал я уже, как и предупреждал меня Носков, тяготиться своей работой. Заскучал я. Не каждый получает удовольствие в штабе работать, хоть и осознаёт всю важность этой деятельности, кого-то тянет и на передовую.

Надоело мне собирать сведения из организаций, обрабатывать их и посылать в обком. Если бы тыл мой был надёжным, я бы перетерпел, в комсомоле ротация кадров не годами измеряется, а месяцами. Получил бы новую должность, а с ней новые заботы, куда бы и скука делась, но не суждено было.

Разрулил ситуацию случай. В колхозе им. Свердлова секретарём парткома был избран (назначен?) главный агроном хозяйства и образовалась вакансия. Не помню уже сейчас точно, сам ли я туда попросился или мне эту должность предложили, но этот вариант устроил всех, или почти всех. Гена недолюбливал меня за излишнюю, не по чину, независимость, так что расставание было без слёз. Отпадал квартирный вопрос. Меня поощряли и одновременно наказывали за то, что я не могу держать в руках свою бабу. Сам я был полон энтузиазма. Перспектива нового дела бодрила. Оставалась жена, и её реакция на переезд меня волновала. Не на сам переезд, а именно туда, в Егоровку. Дело в том, что она, в отличие от меня, в этом колхозе уже однажды побывала. И было это пять лет назад. *(Автор не хочет вдаваться в подробности того события, но я вам, уважаемые читатели, немного приоткрою завесу тайны. На агрофаке учился хороший парень из колхоза им. Свердлова Иван К. Собственно, он его уже заканчивал, когда познакомился с молоденькой рабфаковкой по имени Татьяна Халикова. У него снесло голову, и он предложил ей выйти за него замуж. Так они оказались в Курляно-Дубовке, где он представил её своим родителям. Но до свадьбы дело не дошло. Молодая не захотела ехать на село и переводиться на заочное отделение. Видимо, чувство не было столь сильным, как у парня, да и профессию хотелось получить. Иван сильно страдал, всё звал, звал, потом отработал законные три года в колхозе главным агрономом и уехал в Ригу, где впоследствии женился. Зло, как любит выражаться автор, осталось на свободе, и он не замедлил в него вляпаться. А сложись всё иначе, жила бы наша героиня в славном городе Риге, ела бы колбасу и нянчила двух латышчат. Всё это и грустно, и смешно. Вот на смешной ноте мы*

с вами и остановимся. Анекдот такой есть. Принимает новый главврач психбольницу, ну, ему, естественно, рассказывают истории больных. – Вот в этой палате у нас лежит больной, который любил одну женщину, но она ему отказала и предпочла другого. А вот в этой лежит муж той самой женщины.)

Но, напоследок, прощаясь с Тарой, оглянусь дружелюбно на здание Горкома партии и спрошу сам себя беспристрастно, а что я, собственно, видел на той работе? А видел я, друзья мои, множество замечательных людей, живущих в том краю. Это было то самое «**быдло**», как его сегодня, сходя с ума от безнаказанности, самовлюблённо величают некоторые записные сатирики с «Эха Москвы», которые сами больше напоминают бешеных собак со стекающей с клыков ядовитой слюной. Хорошо ещё, что Венедиктов адекватен и держит равновесие.

Нет, Мир, ты только подумай. Ненавидишь власть и кусаешь её по любому (*любому, Карл, поводу, хорошему или плохому*) – ты молодец, орёл. Судишь объективно, относишься с пониманием к проблемам и трудностям, помогаешь их решать, трудишься – ты быдло. И орут ведь только потому, что им не дают поругать. Так давали же. Обделались до не могу. Бандитизм пропустили, который оказался сильнее их власти. Я вспоминаю город Тобольск 1997 года (шесть лет демократии), стену пятиэтажного дома, на которой альпинистами прижалась к штукатурке дюжина молодых серых крысят, ползущих к открытым форточкам окон. И сегодняшний Тобольск – жемчужину в «короне Сибири». На смену демагогам пришли люди, умеющие работать, или вернули старых, но пришла воля, пришли средства, и страна вышла из маразма. Коррупция? Следствие преступной приватизации, когда основная масса людей по действиям тех же демократов была элементарно ограблена и все богатства перешли в руки кучки олигархов и проворных «новых» русских капиталом поменьше.

– Говорят, они хорошо разбирались в цифрах.

– За цифрами, Мир, нужно уметь видеть живых людей, только тогда они будут верными. Счетоводы, мать их за ногу.

Фашисты относились к евреям гуманнее, чем либеральные демократы к народу своей страны. Ломать – не строить. Слепые с топором в посудной лавке. Бездарно калечили судьбы миллионов людей. Что люди? Навоз истории, на котором должен произрасти капитализм. Произрос. Ну и что? Веселее стало жить? Прав Путин, что держит олигархов при себе, в друзьях, на коротком поводке и когда нужны деньги для государственных нужд, предлагает раскошелиться. Делиться надо. А те, кто этих правил не хотели соблюдать и возомнили себя финансовыми гениями, забыв, что получили основные средства производства за копейки, тех уже нет, или они далеке.

Разделавшись с Ходорковским, Путин направил чёткий посыл всему российскому олигархату: не лезть в политику! Дословно призыв звучал так:

– П., сколько влезет, а вот п., не надо.

Правительство не обязано заглядывать каждому мудаку в зубы, его главная задача обеспечить приемлемую жизнь и функционирование хозяйства на огромной территории. Учить, лечить, защищать. Критиковать просто, для некоторых ещё и выгодно в материальном плане, а предложи им практическую работу, они ведь не пойдут, потому что тут же из разряда критиков перейдут в разряд критикуемых. Оно им надо? Как говорил один президент США, если я утром пройду по водам Потомака как посуху, вечером все газеты напишут, что их президент не умеет плавать.

Была **идея** – были **люди**, а когда на её место поставили **деньги**, т.е. капитализм, к которому они сами так рьяно призывали, человеки у них, вдруг, куда-то исчезли. Не зди, Шендерович, люди всегда останутся людьми, как бы их судьба ни трепала. Даже если они не ходят на митинги протеста. Как там у Пелевина?

– Вы присутствуете на разгоне несанкционированного митинга в Москве. К вам обращается находящийся там же депутат Европарламента с просьбой прокомментировать ограничение

вашей свободы, свидетелем которой он стал. У вас возникает следующий ответ на сущностном уровне:

– Мою, блять, свободу ограничивают не мусора, которые раз в месяц приезжают сюда, чтобы перед десятью телекамерами свинтить на два часа трёх евреев и одного гомосека, которые с этого живут, а как раз ваш ё... Европарламент... (ну и так далее, кому интересно, найдите «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» и почитайте, получите массу удовольствия.)

А чтобы вы поняли, что такое сущностный уровень, сошлюсь на его книгу ещё раз:

– Любой дипломатический или публицистический дискурс всегда имеет два уровня:

1) *внешний, формально-фактологический (геополитический),*

2) *«сущностный» – реальное энергетическое наполнение дискурса, метатекст. («Дебилы, бля...», – как проговорился Лавров.)*

Манипуляции с фактами служат просто внешним оформлением энергетической сути каждого высказывания. Представьте, например, что прибалтийский дипломат говорит вам на посольском приёме:

– *Сталин, в широкой исторической перспективе, – это то же самое, что Гитлер, а СССР – то же самое, что фашистская Германия, только с азиатским оттенком. А Россия, как юридический преемник СССР – это фашистская Германия сегодня.*

На сущностно-энергетическом уровне эта фраза имеет приблизительно такую проекцию:

«*Ванька, встань раком. Я на тебе верхом въеду в Европу, а ты будешь чистить мне ботинки за десять евроцентов в день».*

На этом же уровне ответ, разумеется, таков:

«*Соси, чмо болотное, тогда я налью тебе нефти – а если будешь хорошо сосать, может быть, куплю у тебя немного*

шпрот. А за то, что у вас был свой легион СС, еврейцы ещё сто лет будут иметь вас в сраку, и так вам и надо».

Но на геополитический уровень сущностный ответ проецируется так:

– Извините, но это довольно примитивная концепция. Советский Союз в годы Второй мировой войны вынес на себе главную тяжесть борьбы с нацизмом, а в настоящее время Россия является важнейшим экономическим партнёром объединённой Европы. И любая попытка поставить под вопрос освободительную миссию Красной Армии – это преступное бесстыдство, такое же отвратительное, как отрицание Холокоста.

Если мне предложат выбирать между вашей «интеллектуальной элитой», коей вы себя позиционируете и «быдлом», я, сущностно выражаясь, пошлю вас на... и примкну ко вторым. С ними жить труднее, но дышать легче, меньше вони. (Легко любить Россию издалёка, тем более что на неё падает отсвет великого СССР, а смог бы ты ужиться там, видя, что произошло разделение людей на богатых и бедных и пропасть между ними всё увеличивается? Ты ведь ненавидел это и всегда стремился к справедливости. Не лезь, Витя, в политику, там правды не найдёшь, только врагов себе наживёшь. Хотел подняться, а на самом деле опустился до их уровня.)

Глава 5

ЕГОРОВКА

27 апреля 1978 года я был освобождён от своей комсомольской должности, а 29 решением правления колхоза им. Свердлова принят на работу главным агрономом хозяйства. Накануне, то есть 28, было совещание в райисполкоме (в Тарском районе был один Горком партии, но два исполкома, городской и районный) и на этом совещании присутствовали председатель колхоза и председатель сельсовета из Егоровки. Мы встретились, познакомились и мужики решили, что до села я доберусь с председателем сельсовета и переночую у него, а у Копотилова в Таре дела и он приедет завтра.

Уже смеркалось, когда мы с сельсоветчиком подошли к площадке, на которой среди других различных транспортных средств нас ожидал синий МТЗ-50 с красной тракторной тележкой, укрытой до половины натянутым на деревянный каркас брезентовым тентом, дно которой устилал толстый слой соломы. Десяток человек, мужчин и женщин, с укором накинулись на председателя:

– Ну сколько можно ждать?

А поскольку тот не счёл нужным на этот вопрос отвечать (государственное дело), то ропот сразу затих и все полезли в кузов занимать мягкие места.

– Наш новый главный агроном, – представил меня председатель. Посмотрели с интересом, но расспросами допекать не стали.

Татарин уже утонул, поэтому через Иртыш переправлялись на пароме, там, за Екатериновкой. Могучая река, очередь, терпеливые, привыкшие ко всему люди. Возле воды было холодно, подступающая ночь грозила заморозком. Я был одет по-весеннему легкомысленно, поэтому вскорости совсем продрог на пронизывающем ветру.

Наши попутчики разделились. Кто-то в ожидании парома лежал в соломе, кто-то беседовал со знакомыми из других телег и машин, мы с председателем стояли немного в отдалении и разговаривали. К нам подошёл невысокий седой мужчина в дорожном брезентовом плаще с капюшоном, протянул мне руку и, представившись бывшим учителем школы, сказал:

– Это замечательно, что вы к нам едете. Интеллигентные люди на селе очень нужны. Я вижу, вы совсем замёрзли. Вот, возьмите, согрейтесь.

С этими словами он полез в свою сумку и достал из неё початую бутылку вина и стакан. Налил мне, потом председателю, остатки себе. Таясь, чтобы не видели окружающие, прикрываясь друг другом, мы по очереди выпили. Пустую бутылку учитель положил обратно в сумку:

– Нельзя где попало разбрасывать стекло.

Причалил паром. Переплыли реку. Поехали. Посреди мощной просеки, рассекавшей подступающий с обеих сторон лес, лежала широкая грунтовая дорога с зарастающими кустарником и наполненными талой водой кюветами. Полотно представляло собой слой тёмной грязи, перемежающийся колеями. После оттаивания земли и болот, подъёма грунтовых, и стока талых вод ожидать иной картины было бы просто наивно. Происходило то, что должно было происходить.

Отсыпать и укреплять полотно было нечем. В Казахстане был щебень, с помощью которого решалась проблема внутрирайонных дорог, была дресва, по крайней мере по высоким грейдерам можно было проехать на любом транспорте в любое время года и в любой дождь. Зимой, конечно, в бураны и их переметало, но на то и бульдозеры в хозяйстве держались.

Привозного гравия и ресурсов асфальтовых заводов Омской области с трудом хватало только на поддержание в более или менее, (*скорее, менее*), приличном состоянии межобластных и межрайонных трасс, остальные селяне должны были жить в гармонии с природой.

Это снимок зимней дороги на Егоровку, недалеко от въезда в село.

А это дорога на Юрьевку весной.

Расстояние от Тары до Егоровки 65 километров. Телегу мотало из стороны в сторону. Встречного транспорта практически не было. Основное препятствие ожидало возле Бобровки, где дорога резко шла в гору. На неё действительно можно было забраться только на тракторе или вездеходе.

До села добрались около десяти часов вечера. Часть пассажиров, в том числе и учитель, слезла в Курляно-Дубовке и Юрьевке. Тракторист дождался, пока освободят его телегу, и покатил на ферму за свежей соломой. Завтра ему предстоял тот же маршрут.

Подморозило и небо вызвездило. В какой-то нереальной тишине, нарушаемой лишь нашими шагами, мы ступали с председателем по этим звёздам, отражённым грязью улицы. Что-то непонятное, волнующее происходило со мной в эти минуты, но я не мог понять, что? Грязь под звёздами? Да, это красиво, но не новость для меня. Не слышно лая собак? А может они тут все охотничьи и зря не брешут. Потом неожиданно сообразил, что мне не хватает воздуха. Я дышал полной грудью и не мог надышаться. Это было восхитительно, явственно ощущать чистоту воздуха. На десятки километров кругом простирались леса.

Через несколько дней это ощущение прошло, оставив лишь добрую память, коей я сейчас и делюсь с вами.

Дом председателя ничем не отличался от соседних домов, такой же пятистенки. Сам он из учителей, избран на должность недавно, по национальности немец, женат, пятеро детей дошкольного и школьного возраста. Спокойный, рассудительный, скромный. Жена, уложив детей, ждала мужа. Увидев гостя, тут же пошла на кухню и, пока мы раздевались, быстро приготовила ужин – яичницу с салом, хлеб, молоко.

Хозяйка переложила детей в спальне и постелила мне на железной кровати с сеткой. Рядом, вдоль стен, стояли точно такие же кровати и на них сладко сопели ребятишки.

Я до сих пор по-хорошему удивляюсь неприязнительности быта сибирских деревень той поры. Ничего лишнего. Каждая

вещь исполняет свою функцию и её ценность заключается именно в этом исполнении. Простота. И в то же время красота, дизайн, выверенный веками. Вполне возможно, что я ошибаюсь, но, мне кажется, всё зависит от материала, из которого построен дом. Буду говорить лишь о том, что видел своими глазами. Множество людей куда компетентнее меня в этом вопросе, но я за годы жизни выработал в себе умение мысленно собирать материалы о самых разнообразных сферах человеческой жизни, анализировать их и делать выводы, порой неожиданные. «В мировом масштабе», – как говорил Петька.

В Куспеке только дома первых поселенцев были построены из дерева, и слово «дерево» в данном случае означает породы хвойных деревьев, и, за малым исключением, именно сосну. Потом строевой лес закончился и дома начали строить из всего, что можно было для этой цели приспособить: самана, кирпича, камня, шлакоблоков, осины, поставленной вертикально. Стены насыпали землёй, рыли землянки, позже, во времена Никиты Сергеевича, появились сборно-щитовые конструкции, так называемые «финские домики», в общем, кто во что горазд.

Совсем не то в Сибири, тем более Сибири лесной, таёжной. Там дома почти 100% строились из дерева, и это искусство передавалось из поколения в поколение. Вот дом. Это сруб, где сосновые брёвна укладываются друг на друга, перемежаясь моховой прокладкой. Пол – это, чаще всего, толстые широкие листовенные плахи, грубовато уложенные. Порой не закрывались и фронтоны чердака, в тайге нет буранов, снег падает вертикально.

Дом дышит. И это дыхание должно происходить в такт с дыханием людей, которые в нём живут. Или вы дышите вместе, или кто-то из вас дышать перестаёт, и это одинаково относится как к дому, так и к людям.

Я думаю, что сибирский быт и сибирский дизайн тех лет брали своё начало от формы внутренних стен дома. Они, если не пытаться их спрямить специально, выглядят точно так же, как и

наружные. Их белили извѣсткой. Шиком считалось подсинить её. Видел и небеленые стены. Они вначале золотистые, а с годами тѣмные. Коврики с оленями и богатырями над железными или самодельными деревянными кроватями. Железные – это уже современность, мягче спать. Полатей не встречал. Мебель простая, но крепкая, изготовленная местными мастерами. Столы, стулья, лавки, табуреты, комоды, кухонные и платяные шкафы. Покрашенные краской или подмороженные. Всё просто, без излишеств.

– А где же твоя заявленная красота и выверенный веками дизайн?

– Красота, Мир, на мой взгляд, и крылась в этой самой простоте. А если говорить о дизайне, то вот его приметы. С волнообразностью стен контрастировала прямолинейность домотканых половиков, с их сине-бело-красной жизнерадостно перемежающейся палитрой, покрывавших всё свободное пространство пола. Вышитые занавески на окнах, ажурные салфетки, горки подушек, накидки. Комнатные цветы, тот же клятый фикус, например. Настольные часы или «кукушка» на кухне. Телевизор на комодѣ, под накидкой, не в каменном веке жили. Многие зависело от аккуратности хозяев, и кто как красоту понимал. Вот для меня, например, красота – это книги, много книг, которые стоят в моей комнате на открытых полках, пылятся, конечно, но я протираю их периодически и не хочу прятать за стекло. Они в моём понимании живые и мы открыто смотрим в глаза друг другу. Чтобы им было приятно, я постелил на паркет домотканый немецкий половик и увидел, что они оценили этот жест. Когда я по утрам с ними здороваюсь, они приветливо улыбаются, а Антуан де Сент-Экзюпери, как военный (он в пилотке) и правофланговый выражает общее мнение: «Доброе утро, месье, желаем вам удачного дня».

Если не хочешь выглядеть снобом в глазах других, должен всегда руководствоваться одним верным правилом. Никогда не судить безапелляционно о том, чего не знаешь, не видел своими глазами и не пережил сам. И вообще, меньше судить. Но это

правило применимо только к людям и неприменимо к паразитам, которых надо носком ботинка брезгливо подвигать обратно к щели от которой они, вдруг, заткнув уши наушниками плеера, опрометчиво решили отдалиться, подумав, что и они такие же, как все, раз государство их содержит. Если вас из деликатности сразу не пнули ногой в зад, это не значит, что можно ползать там, где захочется. В другой раз пнут обязательно. От угла до угла короткими перебежками! *Verstehst? (Паразит – он ведь только кажется безобидным, на самом деле рядом с ним умирают люди, за счёт которых он живёт.)*

Есть **место**, есть **время**, есть **человек** и есть **люди**, которые его окружают. Сам по себе человек мал: и перед местом, и перед временем, и перед людьми, с которыми ему пришлось встретиться.

В моей памяти Егоровка – это что-то особенное, как Беловодье для старообрядцев. Только те искали да не нашли, а я не искал, да оно само в душу влезло. По правде говоря, где та Егоровка и где то Беловодье, но если она во сне соединяется с Новосветловкой, то и правда, что-то волшебное рождается.

– Так, остановись, замри! Ты написал слово «сон». Мне думается, есть смысл посвятить этой теме отдельную главу. И именно сейчас, не откладывая на потом. «Потом» может и не быть. Помрёшь ненароком от какого-нибудь коронавируса и пропадёт считай уже готовый материал. Обидно будет. Я знаю, что одной главы для этой темы мало, но хоть штрихами, а будешь дальше жить, тогда уже подробнее расскажешь.

– Да я и сам про это думал, не чужая ведь тема – своя.

– Ну вот и ладненько, – радуется Мир.

Глава 6

ЛОВЕЦ СНОВИДЕНИЙ (теория)

Я прожил три жизни. Первая, которая уже закончилась, осталась в СССР. Вторая проходит сейчас в Германии, а третья – во сне. Если мне суждено закончить свою «Броуниаду», то она станет памятником им обоим: и почившему в Лете Союзу и моей первой жизни. Следующую книгу, которая теоретически возможна, я, не мудрствуя лукаво, назову **«Вторая жизнь»**. Третья жизнь тоже заслуживает отдельного пересказа и материала достаточно, но это потом, потом. (*Когда потом?*). Сейчас только выжимки.

«Приснилось как-то одному человеку, что он бабочка. Ощущение было настолько сильным и убедительным, что, проснувшись, он засомневался, был ли это сон. Может он бабочка, которой снится, что она человек?». Лао-цзы. (6 век до н. эры)

Сны я вижу практически каждую ночь и наутро, при желаниии, часть их могу вспомнить и более-менее связно пересказать. Осознание обладания этим качеством подтолкнуло меня к мысли исследовать природу своих снов и выяснить, какие именно факторы определяют их содержание. Ведь наряду со спокойными, добрыми снами существуют и кошмары. Почему это происходит?

Некоторую пикантность, а отсюда и определённую научную ценность моим исследованиям придаёт тот факт, что я пытаюсь найти прямую связь между количеством выпитого вина и последующими сновидениями.

Период исследования охватывает время с 1 февраля по 26 сентября 2005 года, затем два осенних месяца 2008 года и, наконец, зиму 2011.

Моё эмоциональное состояние в эти дни оставалось достаточно стабильным – обычная жизнь прифронтового города,

поэтому в расчёт я его особо не принимаю и определяю как константу, а это значит, что на первый план выходят в основном физиологические факторы. Я пытался быть предельно откровенным и точным в описаниях, что делает мне честь, но не делает краше.

Конечно, я искал в различных источниках рассуждения о феномене сна. Вкратце теория выглядит следующим образом.

Сны видят все, даже слепые и глухие, по мере их возможностей. Лишь немногие говорят, что никогда не видят снов. Однако большинство людей лишь с трудом могут вспомнить сон более или менее подробно. На способность запоминать сны негативно влияют определённые лекарства, алкоголь и наркотики. *(Это какие откровения он бы нам поведал, если бы ложился в постель трезвым?)*

Сны длятся от пяти до сорока пяти минут. Обычно они не открывают нам ничего нового, а говорят о том, что мы так или иначе знаем. Осознанное сновидение представляет собой такой сон, во время которого спящий осознаёт, что он спит. Некоторые даже могут, *и я в том числе*, влиять на ход такого сновидения и совершают в нём действия по своему желанию, например, уменьшаются в размерах или летают. **Осознанное сновидение – восхитительный процесс.**

Отмечено, что сновидения становятся более интенсивными у недавно разведённых или собирающихся разводиться людей, у потерявших работу или заболевших. Это подтверждает тесную связь между эмоциями и сновидениями.

Научные исследования свидетельствуют о том, что мы очень неэффективно используем свой мозг – всего на 20% его возможностей. Ясно также, что многим творческим озарениям был дан толчок во сне. «Утро вечера мудренее» - все мы не раз слышали эту пословицу. Во сне мы пребываем в расслабленном состоянии, а поэтому обретаем способность прибегать к различным способам мышления, шоры спадают с наших глаз, мы начинаем видеть вещи с различных точек зрения.

Спящий ум сортирует и обрабатывает разнообразные дневные ощущения и задачи и пытается найти решения. Независимо от характера вашей проблемы, творческого или практического, если вы, перед тем как лечь спать, сосредоточитесь на ней, то вам будет легче найти ответ во сне.

Лауреат Нобелевской премии физиолог Альберт Сент-Дьерди (1893-1986), который нередко черпал вдохновение в снах, сказал: «Моя работа не заканчивается, когда я вечером покидаю свой рабочий стол. Я постоянно думаю над моими проблемами, и мой мозг продолжает работу, когда я сплю, потому что просыпаюсь я... с ответами на те вопросы, которые не давали мне покоя».

О том же говорят и Д.И. Менделеев, «Периодическая таблица элементов» которого окончательно сформировалась во сне, и немец Фридрих Кекуле (1829-1896), гений органической химии.

За то, что одежда выпускается теперь промышленным способом, мы тоже должны быть благодарны сновидениям. Элиас Хауи (1819-1867), изобретатель современной швейной машины, отчаянно искал такую конструкцию иглы, которая могла бы эффективно захватывать нить с катушки. Долго он не мог найти надлежащего решения, но вот ему приснился сон, в котором на него напали дикари с пиками, на наконечниках которых были отверстия. Он этот момент отметил и применил его для решения своей проблемы. Переместив отверстие в иголке к заострѐнному кончику, он смог создать первую действующую швейную машину.

Один из величайших изобретателей Томас Эдисон (1847-1931) считал, что идеи приходят из космоса и когда у него возникали трудности, ложился на кровать в своей мастерской и сосредоточивался на стоящей перед ним проблеме. Потом он засыпал, а просыпался зачастую уже на подступах к решению.

Мелодия лучшего хита 20 века, песни «Yestredya» пришла Полу Маккартни во сне. Сновидения вызвали к жизни многие

произведения Рихарда Вагнера, о так же рождественскую песню «Тихая ночь».

Известные произведения мировой литературы были написаны по вдохновению, полученному во сне. Можно с уверенностью назвать имена Льюиса Кэрролла, Мэри Шелли, Роберта Льюиса Стивенсона.

Творческое воображение человека не знает границ, но не каждому из нас дано натолкнуться во сне на судьбоносное открытие или создать шедевр. Сновидение может действовать только в рамках опыта конкретного человека и на основании того материала, которым он владеет. И тем не менее, в сновидениях может быть скрыто и нечто большее. Вероятно, сновидения перекидывают мостик от известного к неизвестному, опираясь при этом на незадействованные возможности мозга – его стремление к мудрости, творчеству, изобретательству.

(Наш автор в горячке может заявить вам, что и его «Броуниада» навеяна снами. В этом, безусловно, есть какая-то доля правды, но с большим основанием можно утверждать, что всё происходит с точностью до наоборот: это книга определяет лад его снов. Да, она создаётся ночью, но только не во сне, а в периоды бодрствования, которые длятся обычно 2-3 часа после полуночи. В субботу и воскресенье итоги недельных бдений только переносятся на бумагу или печатаются в компьютере. Никаких особых откровений за эти годы автор из своих снов не почерпнул, хотя, надо отдать ему должное, внутри них работает очень активно. Ту мелодию, что мы ему наигрывали, слушал внимательно, но воспроизвести утром не смог, и человечество потеряло шедевр, слушая который, Пол Маккартни заплакал бы от зависти. Во сне много пишет, и прозу, и стихи. Очень хорошие, кстати. Его можно образно сравнить с мастерами Медной горы Хозяйки. Но из того величественного стихотворения, что мы с гордостью предъявили начальству в качестве доказательства, что не зря просиживаем свои бесполые задницы,

а по-настоящему работаем с доверенными нам людьми, он запомнил только две строчки:

*Когда развяжется вместимость
И воды выйдут из нутра...*

Теперь вот гадает, это что, описание момента рождения или смерти?)

Для правильного понимания сновидения необходимо знать личные обстоятельства человека – его характер, профессию и настроение, в котором он пребывал, когда увидел этот сон.

Индуисты считают, что человек видит сны, когда его душа покидает тело и путешествует по другим мирам.

Зигмунд Фрейд (1856-1939), один из основателей психоанализа, вторым был Карл Юнг (1875-1961), анализировал сновидения, как собственные, так и его пациентов. Он выявил важные структуры снов и по ним определял, что мешает больным выйти из своих неврозов.

Он считал, что каждый сон – это желание, как правило, имеющее сексуальную подоплёку. Ещё он полагал, что, поскольку, сексуальные желания и фантазии приходится подавлять, вытеснять из сознания, они проявляются в виде сновидений. Впоследствии Фрейд признал, что подспудный материал сна может быть также связан с чувством вины или с агрессией.

Узость подхода Фрейда к толкованию снов стала одной из причин, в силу которых Карл Юнг отмежевался от круга его последователей. Он утверждал, что толкования Фрейдом его (Юнга) снов оказались настолько неадекватными, что он решил разработать собственную теорию.

Это привело его к исследованию того, что он назвал «процессом индивидуализации», подразумевая **путешествие человека к своему «Я»**. В ходе этой работы Юнг исследовал около 80000 снов и пришёл к выводу, что в течении человеческой жизни сновидения изменяются в соответствии с изменением личности,

её взрослением. Он считал, что о переходных моментах в жизни человека свидетельствует появление в снах **архетипов** (узнаваемых символов).

Юнг полагал, что современный человек много потерял, когда отказался от первобытной веры в символы, мифы и легенды, но что остатки этих «природных» творческих направляющих сил по-прежнему остаются доступными для нас благодаря символике снов.

Возможно, наиболее полезной современному человеку идеей Юнга является его идея о «**тени**» – тёмной стороне человека, которая может проявлять себя в сновидениях как угрожающая или деструктивная сила. Он полагал, что если человек не признаёт существования тени, это может привести к разрушению его личности.

Говоря об отличиях своего подхода от фрейдовского, Юнг подчёркивал, что Фрейда интересовали определения комплексов (подавленные чувства или мысли, ведущие к ненормальным умственным состояниям или поведению), тогда как он, Юнг, хотел узнать, что душа (разум) делает с этими комплексами.

Пока наш сознательный разум отдыхает, остальным частям разума предоставлена свобода. Вот в этих-то частях и формируются сновидения. Когда мы спим, наши заботы и желания не исчезают. Напротив, важные чувства и мысли начинают прорываться на поверхность. Самые разные образы и воспоминания о важных для нашей жизни людях и местах, а также какие-то бытовые подробности пережитого в минувший день сплетаются в замечательный ковёр, и плетение это есть продукт нашей эмоциональной и креативной сути.

Во сне, когда окружающий мир исчезает, с нами могут начать беседу наши подспудные тайны и повести нас в самое трудное путешествие... Сновидения подобны зеркалам, в которых мы видим самих себя. Они отражают наше скрытое «Я», обнажая истинное лицо нашей природы.

В снах мы видим секреты, красоту и ужасы нашего внутреннего мира. Посредством снов мы можем узнать эту неизведанную и в то же время знакомую землю. А когда мы просыпаемся, наши сны могут стать дверью, сквозь которую мы можем вернуться в наш внутренний мир – в ландшафт души.

В заключение теоретической части добавлю ещё, что по исследованиям учёных Гейдельбергского университета власть над нашими сновидениями имеют и запахи, которые мы вдыхаем во время ночного сна.

Всю свою работу я озаглавил фразой великого русского физиолога Ильи Михайловича Сеченова **«Сновидения – необычные комбинации бывалых впечатлений»**, которая на мой взгляд наиболее полно выражает её суть. Сеченов считал, что все акты сознательной и бессознательной жизни являются рефлекторными и в основе сложных психических явлений лежат физиологические процессы, которые могут быть изучены объективными физиологическими методами.

Я познакомлю вас лишь с очень малой частью своих записей, только чтобы показать, как это выглядит.

Глава 7

ЛОВЕЦ СНОВИДЕНИЙ (практика)

Кажется, я начинаю понимать, из чего складываются сновидения.

Во-первых, из внутренних раздражителей: («тяжёлый» желудок, позыв к мочеиспусканию, болезнь, конфликты с женой или на работе, беспокойство о чём-либо).

Во-вторых, из внешних раздражителей: шумы, свет, комары, чистота воздуха, температура в помещении, мягкость матраца и т.д.

В-третьих, из мыслей, промелькнувших неожиданно в течение дня, хотя они могут быть и более ранними, недельной давности.

Сначала снится первый сон, его, как правило, к утру забываешь. Но где-то около трёх часов ночи начинает сниться другой, который идёт с продолжением. То есть ты можешь проснуться или повернуться, сон пропадёт на какое-то время, но затем опять продолжится, с тем же сюжетом.

То, что отовсюду выглядывают физиологические «уши» ясно настолько, что не нужно даже к бабке ходить. Выпил за вечер литр вина, поужинал с аппетитом, особенно если это мясо или грибы, вот тебе и «тяжёлый» желудок. Правда, народная мудрость гласит, что на полный желудок спится лучше, чем на пустой, да кто её, эту мудрость сегодня почитает? Сегодня одна забота – как бы похудеть или, в крайнем случае, не поправиться.

Если в сновидении появляется образ воды и её становится всё больше вокруг, это явный сигнал того, что сейчас ты проснёшься и поплетёшься в туалет, чтобы отлить. Нормальная физиология. Закон природы. На его фоне очень затейливо звучат рекомендации современных телевизионно-компьютерных врачей-консультантов:

– Ни в коем случае не вставайте с постели, иначе у вас перестроится вестибулярный аппарат, и вы потом долгое время не сможете заснуть.

Да, это так.

Но они что, не понимают, что если я не буду вставать, то тоже не смогу заснуть. Или у них дома под кроватью стоит специальный герметичный горшок со шлангом и воронкой на конце. Так дайте описание своего изобретения и особо разъясните, как им пользоваться женщинам.

10 января 2011г.

Сегодня иду к домашнему врачу на профилактический осмотр. Возможно, придётся ещё раз сдать кровь на анализ. Поэтому вчера весь день воздерживался. Утром овсяная каша, в обед пельмени, вечером – ничего. И ни капли спиртного. Лёг спать около 9 часов, долго не мог заснуть.

Ночь провёл с княгиней Глорией Турн-унд-Таксис.

Без комментариев. Вчера смотрел по телевизору документальный фильм о ней.

12 января.

Нет, что-то есть интересное в том, что ложишься спать трезвым и на «лёгкий» желудок. Правда, в отличие от «нормального» состояния, долго не можешь заснуть и пару часов читаешь или размышляешь о жизни.

Мы с А.С. Грибоедовым прибыли с Кавказа в Петербург. Он инкогнито, в облике генерала Громова, меня и так никто не знает. Сидим за столами в дворцовой зале, обедаем. Одежда на всех присутствующих соответствующая – времён начала 19 века. Все косятся на Александра Сергеевича, тот как-то заметен, но не могут понять, кто он. Моя соседка по столу, какая-то княгиня, возможно, Дашикова, хотя она в то время уже и не жила, (а ты, выходит жила?) спрашивает:

– Наверное до вас туда государственные указы доходят в искажённом виде?

Я мгновенно парирую:

– Указы к нам доходят в самом надлежащем виде, это мы их там искажаем.

Смех, вызванный моим ответом, переходит в гомерический хохот. Смеются так, что чуть не падают со стульев. Так заразительно смеялась в фильме Глория.

Грибоедов смотрит на нас и завидует. За его столом скучно.

Откуда что взялось? Последний месяц урывками смотрел фильм «Смерть Вазир-Мухтара» по книге Юрия Тынянова. Да и сама комедия «Горе от ума» мне очень нравится, я её несколько раз перечитывал. Выходит, если не пить и не есть избыточно, приснится что-то аристократическое, интеллектуальное? Надо как-то проверить эту догадку.

28 января.

Холестерин у меня 305 каких-то единиц при максимально допустимых 240. Надо менять режим питания. Алкоголь усиливает аппетит, поэтому хочу сократить его потребление в 2-3 раза. Совсем от него отказываться не хочу. Моя работа предполагает неофициальную возможность насладиться «бокалом прекрасного вина», и я ей пренебрегать не хочу. Холестерин холестерином, а наслаждение наслаждением. Ну и пусть помру раньше, зато будет на том свете что вспомнить, или забыть, как говорит Станислав.

Оскорблённый моими экспериментами организм затаил обиду:

– Я с ним как с человеком, всё ему прощаю, почти 50 лет не знает, что такое больница. А он? Пьёт за мой счёт, закусывает, с княгинями хохочет. Я тебе покажу интеллектуальность, аристократ хренов.

Ночью приснилось, что мы с бывшим Первым секретарём Арыкбалыкского райкома партии В.П. Осипенко проникли в ставку Гитлера и зарезали его. Во время доклада Виктор Петрович протянул ко мне руку как бы за необходимыми документами, я вложил в его ладонь раскрытый перочинный нож, и он этим ножом перерезал Адольфу горло. Я в это время кончал

дёрнувшегося генерала. Шансов уйти у нас не было, мы тоже были смертниками, но организм не стал убивать меня кошмаром. Я так думаю, что свою спасительную роль сыграл причитающийся ему бокал. Подоспели наши и всё закончилось благополучно.

Потом приснилась мелодия – чудесная, я такой ещё никогда не слышал. Пытался запомнить, заставлял себя это сделать, но не суждено было.

Смотрел по телевизору интересный документальный фильм. Группа немецких отпускников и пенсионеров на туристическом автобусе отправилась из Фрайбурга в Шанхай. Стоило это удовольствие что-то около 10000 евро на человека, но автобус был полон. Такое случается раз в жизни, и натасканные на путешествия немцы сделали стойку. Они пробыли в дороге 73 дня и проехали 19000 километров, через Австрию, Италию, Грецию, Турцию, Иран, Туркменистан, Афганистан, Узбекистан, Киргизию, Китай. Ехали, правда, по 200-250 километров в день, посещали все встречавшиеся по пути достопримечательности, ночевали в отелях. Назад вернулись самолётом. У них было в пути несколько интересных моментов.

12 дней, потраченных на пересечение Ирана путешественники вынуждены были соблюдать «сухой закон». Полиция зорко следила за ними. С каким же удовольствием они пили пиво и вино в Туркменистане, где законы в этом отношении мягче.

В Узбекистане на них поголовно напал понос, потому что ели в придорожных столовых. Как они делили остатки туалетной бумаги, буквально по несколько клочков на человека!

В Китае были вынуждены пользоваться придорожными туалетами, ну, теми дощатыми сооружениями с настилом, «очками», выгребной ямой. Это было для немцев сильным потрясением, особенно их угнетал запах, исходивший из ям. Дело было летом.

К чему весь этот рассказ. А к тому, что он стал основой одного из моих сновидений. Я так же, как и они, путешествовал

на автобусе, был в Италии, купался в море. (Много воды – повод проснуться и сходить в туалет.) Потом, правда, оказался в Иране и был вынужден соблюдать их обычаи. Организм намекает, чтобы я не выделялся со здоровым образом жизни, а вернулся к прежнему, что, собственно, в дальнейшем и произошло. Кроме физического здоровья существует ещё и душевное. Да и вообще, пока толстый сохнет, худой сдохнет.

29 января.

Прозвучит странно, но приснился сон о **магической и фаустовской** душе русского народа. На подставке, стоящей возле кровати, среди других, лежит книга Освальда Шпенглера «Закат Европы». Это следствие влияния Яржембовского Станислава Юрьевича, который регулировал моё второе образование – историческое. Ту, первую книгу, что он мне дал, я прочёл, что называется, от корки до корки, хотя это чтение не для слабонервных людей. Теперь у меня две своих, в разных переводах и одна в оригинале. Почитываю иногда перед сном.

Сначала была гражданская война. Мы, красные, воевали против белых и помогавших им немцев. Моё участие в сне двойственное: я и участник, и летописец. Полное раздвоение личности. Я проживаю во сне жизнь, а тот, кто её наблюдает, стоит в стороне. Но это тоже я! В этой войне сильно отличился один снайпер: своими меткими выстрелами он переломил ход боя и обеспечил победу.

*Далее мы живём в тайге: наша семья и родители отца. Я ещё мальчик, лет 12-13. Жизнь вокруг кипит, идёт промышленная стройка, все при деле (**фаустовская душа**). Затем строители садятся в вагоны и уезжают, чтобы начать строить в другом месте. Наша семья на грузовике следует за ними. И вот мы уже выезжаем из леса, но отец, вдруг останавливается и говорит:*

– Как же мы оставим деда одного?

Совещаемся и решаем вернуться обратно. Задним ходом сползаем по просеке вниз, входим в дом деда. И так нам хорошо

всем вместе, что и выразить нельзя (магическая душа). Явственно ощущаю ту любовь, что разлита вокруг: отец до боли любит своего отца, а я до боли своего. Всё, что происходит в доме – правильно, ибо так повелось издревле. Огурцы лежат на деревянной полке в шкафу, и отец говорит, что так и должно быть, потому что их туда положил дед.

Наверное, в этом сне шла речь о правильности того патриархального уклада жизни русских людей (магическая душа), которую насильно разрушил Пётр I. Хотя ведь ясно, что фаустовская душа – это прогресс.

6 февраля.

Приснилось, что я «челнок». Вернее, собираюсь им стать, поэтому обращаюсь за советом к более опытным людям. И вот мы в пути. Легально переходим границу Чехии? и покупаем там товары. А вот обратно, с грузом, надо идти глухими тропами, через лес, чтобы не попасться пограничникам. Что и делали всю ночь, к тому же надо было обойти ещё и бандитов, которые тоже не прочь поживиться. Моя «воинственность» в последнее время пошла на убыль: я лучше спрячусь или постараюсь убежать. Но если уж выхода нет, то бьюсь до последнего или просыпаюсь.

И был ещё один сюжет. Он часто возникает в разных вариантах, но это один и тот же сюжет. Я приезжаю с первой женой и маленькими детьми на работу в деревню, где мы поселяемся в доме. Дом не совсем в порядке, надо кое-что подлатать. В сегодняшнем сне, например, надо было оббить входную дверь, чтобы через неё не тянуло холодом. Приближается зима. Я знаю, что это надо сделать, что это необходимо, но, с другой стороны, я должен быть на работе, иначе люди обвинят меня в лени и несерьёзности. И я разрываюсь между этими двумя выборами. Если во сне присутствует первая жена – это всегда тяжёлый сон, впрочем, если вторая, то тоже не лёгкий. Они совершенно справедливо от меня что-то требуют, но мне надо идти

к людям, на работу. В реальной жизни я так и поступал. Возможно, теперь, это какая-то расплата.

Если бы мне пришлось сегодня выбирать, я бы лет до тридцати наработался всласть, а потом бы только женился. Хотя это тоже не выход. Вторую семью я создал приблизительно в этом возрасте, а что изменилось? Если ты много и успешно работаешь, тебя будут всё время нагружать новыми заботами, которые требуют того же самого – полной самоотдачи.

Как мои противоречия между домом и работой разрешались на практике, вам станет известно из дальнейшего повествования. Все сталкивались с этой проблемой, особенно в деревнях, где она (работа) никогда не кончалась, плавно перетекая из одной в другую. Каждый выкручивался как мог, исходя из своего положения и какого-либо общего решения просто не существовало. Если в одном месте прибывало, то в другом убывало.

Удивительно, я жил в Германии, но немецкая жизнь мне не снилась. Первые десять лет вообще никак, потом стало что-то проскальзывать, но это мизер по сравнению с другими местами, присутствующими в сновидениях. Я мог провести ночь в Лхасе или на о. Кирибати, где никоим образом не был и быть не мог, но Вюрцбурга в том подлунном мире не существовало. Я напрямую общался с Лениным, Сталиным, Путиным, Назарбаевым, Сагдиевым, Ким-Чен-Иром, но коллег по работе в Юлиусшпитале мой размягченный мозг воспроизводить не желал. Эта жизнь что, такая бесконфликтная по сравнению с предыдущей, что даже сонное время на неё жалко тратить?

– Я вижу, ты намерился тему снов закрыть. Верно, книга не резиновая, но, пожалуйста, освети ещё два момента. Те сны, что ты привёл выше, родились на фоне, так сказать, низкого содержания алкоголя в крови. А как выглядят твои кошмары? И что тебе снится, если ты выпьешь много?

– Знаешь, Мир, понятия «много» и «мало» очень относительны. Во-первых, какая закуска, а во-вторых, «мало» в будний день, когда тебе утром надо встать на работу, может оказаться

больше, чем «много» перед выходным днём. Но не будем увлекаться софистикой, я понял твой вопрос и отвечаю конкретно.

Количество выпитого вина не оказывает особого воздействия на последующий сон, он может оказаться как хорошим, так и плохим. Важнее тяжёлая еда, простуда, день недели. Выпито одинаково (около 1 литра сухого вина), а сны разные. Литр вина, по моим многолетним наблюдениям, лучше, чем пол литра. В первом случае ты засыпаешь сразу, как только щека касается подушки, во втором ты мучаешься, ворочаешься, злишься. А ночью всё равно проснёшься. Поэтому лучше перепить, чем недопить, утром встанешь болей отдохнувшим.

Иногда мне снится страшный сон: я работаю агрономом, но отсиживаюсь в конторе, не бываю на полях и люди, работающие в бригадах, презирают меня, хотя раньше безоговорочно верили, я им так помогал! Это самые тяжёлые мои сны, если не считать тех, в которых исполняю роль директора. Я многое могу, но не отдаю своих знаний людям, которым они нужны. От того, что стал тыловой крысой, мне стыдно и больно. А не езжу потому, что собрался в Германию. Мне страшно стыдно во сне. Не потому, что уезжаю туда, а от того, что не делаю своей работы. Вспоминается время, когда дневал и ночевал на полях, советовался с управляющими, бригадирами, механизаторами, экспериментировал и был результат. Повышение урожайности в полтора раза по сравнению с предыдущей пятилетней вернуло людям уважение к самим себе, к своему труду и дало, что тоже важно, возможность получать в конце года хорошую доплату. Ну а мне, тоже немного больше денег, но, главное – ощущение сладости творческой удачи.

Теперь я бросил их и они, как слепые котята, ищут меня, а меня нет.

Пример хорошего сна. Всё, как обычно, но:

4-5 мая (среда-четверг) 2005г.

Сегодня в Германии церковный праздник Вознесения Христа (Christihimmelfahrt), на работу идти не надо. Вчера лёг по

режиму в 9 часов, встал в 6, хорошо выспался, хотя два часа после полуночи бодрствовал. И был то, где, там, в волшебной стране Егоровке-Новосветловке, приехал проведать. Со мной Полина, маленькая ещё. Боже мой, как тепло начинали светиться лица людей, когда они меня узнавали. Я тоже взглядывался в их лица, все постарели, но я угадывал черты. Быт тех времён: комнаты для командировочных с железными кроватями, человек на двадцать, убогая обстановка, каменные магазины-лабазы с неожиданным изобилием продуктов по меркам того времени.

Полина каталась на велосипеде и кричала на всю улицу: «Мой папа хороший!».

Сидели за столом, угощались. Заходили люди, присаживались. Приличное вино, самогон. У меня было с собой 200 рублей, четыре пятидесятки. Размеренно, неторопливо разворачивалось действие. Проснулся абсолютно отдохнувшим.

– И ещё. Но это, Мир, последнее замечание по поводу сновидений. Смешивая различные виды алкоголя и мысленно настраивая себя на определённую тему, я научился «заказывать» сны. Если, к примеру, хочу во сне повидаться с отцом, то это означает, что я должен в течение двух часов выпить литр **хорошего** белого сухого вина, а затем в течение получаса пол литра сухого красного и лечь в постель в 7 часов вечера. Вероятность исполнения желаемого очень высокая. Видимо, в начале был прецедент, а потом он где-то в мозге «зашпайхеровался», как говорят «русаки», или «отложился в памяти», как, наверное, говорят русские.

– Всё, про сны больше ни слова. Но ответ мне ещё на один непростой вопрос, который, несомненно, будет мучить твоих читателей после прочтения этой главы:

– Ты алкоголик?

– Скорее да, чем нет. Как справедливо замечал мой любимый журнал времён горбачёвской перестройки «Трезвость и культура», «умеренно пьющий трезвенник, это такая же нелепость, как слегка беременная девушка».

– А чего это, он у тебя, вдруг, любимый? – настораживается Мир.

– В его первых номерах печаталась поэма в прозе Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки». Не знаю, чем руководствовалась редакция журнала, помещая данное произведение в качестве образца для бичевания пьянства, но на меня она произвела совершенно противоположное воздействие. Герой был мне симпатичен. Несколько коробила его нелюбовь к Советской власти и подъёмки в её адрес, но к тому времени в нахлынувшем потоке диссидентской литературы и самобичевании КПСС его позицию можно было назвать даже умеренной. В публикации чувствовался какой-то подвох. Венечкина поэма в своей глубинной сущности звала бороться не с пьянством, а с трезвостью. Я этот зов услышал и приветствовал. Трезвые люди, тем более кичащиеся своей трезвостью, как достоинством, (других у них, как правило, нет), всегда вызывали у меня недоверие.

Автор поэмы, несмотря на обилие деталей, указывающих, что очерчивал их человек изрядно пьющий, не производил впечатления алкоголика. Когда десяток лет позднее я в Ленинграде на Невском купил книгу Ерофеева под общим названием «Оставьте мою душу в покое» с комментариями людей, близко его знавших, мои сомнения подтвердились:

– Он пил, но никогда не пьянел.

– Возможно, он был самым трезвым и нежным человеком на этой Земле.

– Нет, ну бывает же такое? Любит выпить, так немцы ему ещё и работу подобрали такую, где пить можно!

Это уже про меня, из Лидиноного монолога. Но мой сват Саша утверждает, что я не похож на пьющего человека. Сам я считаю, что иногда похож, но лучше поверим свату.

– Вот смотри, Мир, я хвалиться не буду, приведу только факты, а выводы делайте сами. За четверть века жизни в Германии у меня всегда была полная занятость, будь то учёба или работа. Я и сейчас работаю, мне до пенсии ещё год, уйду в 66 лет.

Не привыкший к выходным дням, с первых лет начал подрабатывать частным порядком в садах, число которых в отдельные годы доходило до 12. У меня и сейчас ещё два места осталось. Прочитал тысячу книг, из них 500 были серьёзными или очень серьёзными. Просмотрел тысячи фильмов, в том числе почти всю мировую классику. Самым тщательным образом приступил к **изучению** мировой истории, совершенствую свои знания до сих пор и не каждый выпускник исторического факультета может похвалиться передо мной количеством перелопаченного и переосмысленного материала. Для моих сегодняшних объёмов крючочков и полочек мало, речь идёт уже о пластах. В мире существуют удивительные книги, которые заставляют эти пласты ворочаться. Это фантастическое состояние, напоминающее оргазм, назовём его творческим, которое возносит тебя к небу. Час, прожитый впустую, рвёт мне сердце на части.

Веду дневник, написал и издал две книги, пишу третью, мечтаю о четвёртой. Сны вот, ещё. С семьёй побывали во многих странах, в Россию 6 раз ездил. Дочери университеты закончили. Квартиру четырёхкомнатную, новую, из-за которой потом разлад начался, купили. Жена ведь тоже работала. Отучилась на профессию, хорошие деньги получала.

И, вдруг, алкоголизм. Как-то не вписывается в общую картину.

В своём Weingute, став лагеристом, в **50!** раз улучшил качество работы при двойном увеличении производительности труда по сравнению с предыдущими годами. И это всё играючи, без особого надрыва. Кто-то может сказать, что такого не бывает, чтобы в 50 раз, всё-таки не Среднежопинск какой, а це ж Ойропа, Германия, немцы, орднунг. Бывает. На свете всё бывает. Если до меня нормой, пусть и плохой, считались одна-две рекламации от клиентов в неделю, то теперь их в мой адрес поступает одна-две в год, а, порой, и ни одной. Добиться 100% гарантии надёжности невозможно. Даже если ты вообще не будешь делать ошибок, всегда найдётся клиент, который захочет поживиться за счёт нашей

фирмы. Их очень мало, этих нехороших людей (падлы), но они есть. Закажет 10 коробок вина, а пришлёт сообщение, что получил 9. Кто поедет за сотни километров проверять? Да и что ты проверишь? Его уже нет, этого вина. Оно или выпито, или надёжно спрятано. А клиент - король. Его слово решающее. Вот и получается, что нам рекламация, а нехорошему человеку тут же вышлют недополученное за счёт фирмы и с извинениями.

Я знаю, что хорошо работаю. Меня не надо всё время хвалить. Лучше один раз восхитись. И это восхищение, Мир, я испытал неоднократно. Те люди, что разбираются в нашем деле, прямо в глаза называют меня «феноменом», «пакмашиной», «старым лисом», «компьютером» и «самым серьёзным и надёжным человеком».

Я никогда не просил начальство повесить мне оклад, хотя мои коллеги по работе при разговоре на эту тему стучали костяшками пальцев по лбу и буквально требовали, чтобы я писал заявление шефу. Но это противоречило моей жизненной философии. После повышения тарифа я, вроде бы, должен был стать чем-то обязанным шефу. Тогда они стали требовать уже у руководства, чтобы мне повысили зарплату. Их просьба была удовлетворена. Кто ещё может рассказать о подобном?

Если я всё перечисленное выше делал и ещё каждый день был пьяным, то поставьте мне памятник при жизни, как уникаму. Алкоголь, безусловно, присутствует в моей жизни, но он её не определяет. Издали я смахиваю на того идеального человека будущего, каким он виделся Л.Н. Толстому. Тот должен был 8 часов в день заниматься физическим трудом, 8 - умственным (творческим) и 8 часов спать. Это не беда, что я рано ложусь, всё равно сон мой не длится более 7-8 часов.

Алкоголь должен быть поставлен на своё место и там находиться. В моей «немецкой» жизни, он всего лишь допинг, тем, более, что речь идёт о его самой лёгкой форме – хорошем сухом вине, растянутом в потреблении на часы, и я данный яд легко переносу. Мой организм расщепляет его как орехи. Более крепкие

– тоже, почти не смотря на количества, я редко когда маюсь похмельем. Да что врать, я этого состояния практически не знал, вставал после самой дикой пьянки и шёл работать. Похмельяться я любил на свадьбах, на второй день, но это было действо, с содроганием, рюмочкой водки, горячим борщом и куском пахучего холодца. Эх, брат, были же времена

Кто-то взбадривает себя чаем, кто-то кофе, а я вот, вином. Мне что, теперь, идти и повеситься?

Алкоголь моих лет жизни в СССР – это особая тема, и я буду к ней возвращаться по мере повествования. Но сухое вино Германии – только допинг и ничего более. Голова моя чаще всего светла, единственная проблема – перегар, коего я, как пассажир автобуса, стыжусь перед соседями по креслам и всячески стараюсь заглушить жевательной резинкой, но он не заглушается, вызывая у меня приступы совести. Потом я понял: для того, чтобы заглушить приступы совести существует только один способ – выпить ещё, спокойно сесть в кресло, кинуть в рот жевательную резинку, достать из сумки книгу и начать читать.

Этот пацан мне кого-то здорово напоминает. Тот, правда, выглядит постарше, но суть у них одна.

Глава 8

ЦЫГАНЕ И ОСТАЛЬНОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Ранним утром мы шли с председателем по всё ещё подмороженной грязи в контору, и я радовался, что могу в своих туфлях, скача, как заяц, передвигаться. Мой сопровождающий, как и все встречные люди, которые доброжелательно нас приветствовали, были одеты в резиновые сапоги. По дороге председатель вводил меня в курс деревенской жизни.

Колхоз им. Свердлова переживал одну смерть, два убийства и нашествие цыган. Умерла дочка заведующего МТМ, красавица-выпускница, которая пошла с подружками в лес и там её укусил энцефалитный клещ. В Егоровке нет больницы, есть только ФАП. Что-то пошло не так, не сразу среагировали, а может и дороги до Тары не было в тот момент. Менингит и смерть.

Про убийства в подробностях мне позже рассказывал директор Егоровской средней школы, мой тёзка. Так уж получилось, что он в обоих случаях оказывался первым, кто это видел: и ту бочку с известью, в которую был засунут труп с отрезанной головой, и кочегара из школьной кочегарки с окровавленным ножом в руке. Кочегар дождался, когда Виктор подойдёт к нему и совершенно будничным голосом попросил: «Иди, посмотри, он там живой, или нет, хотя вряд ли, у меня удар смертельный». Его потом летом судили выездным показательным судом в здании сельского совета, и я там был, смотрел. Стриженный под ноль, худой, какой-то весь жалкий, он смотрел на людей виноватыми глазами, как бы извиняясь за то, что ради него они оторвались от своих дел, но какого-либо большого раскаяния я в нём не заметил. Он считал, наверное, что по своим понятиям поступил правильно, и виноват только в том, что у него «удар смертельный». Где-то же он руку набил?

Таёжные сёла, в том числе и Егоровка, привлекали уголовный элемент. Здесь можно было относительно спокойно

отсидеться, не привлекая особого внимания милиции, которой поблизости не наблюдалось. Плюс весенние и осенние «мёртвые сезоны» бездорожья, ледохода и ледостава Иртыша. Возвращались домой бывшие сидельцы, звали к себе своих приятелей по тюрьме, прибывались на зиму и те, что были в бегах, беспаспортные. Просились на работу в кочегарки, на фермы. Их брали, закрывая глаза на отсутствие документов. Дефицит кадров на селе: свои готовили лес для будущей стройки, уходили в тайгу на охоту, ремонтировали технику. Чаще всего всё заканчивалось благополучно, но, как это случилось в тот год, произошли блатные разборки.

Цыгане появились осенью, небольшой табор, несколько семей. Попросились пожить до весны. Брались отремонтировать колхозные бороны.

Свезли бороны со всех бригад, свалили во дворе дома. Борона только кажется самым простым орудием сельскохозяйственного производства, на самом деле в ней заложено много возможностей её использования, их только надо знать. Основной рабочий элемент бороны – зуб, который имеет активную и пассивную стороны. Активная – это когда зуб остриём вперёд, он выдирает всё из земли, пассивная – когда он только разравнивает землю. А если зубом вбок? Никто не пробовал? А если сцепом стерневых сеялок по уже засеянному паровому полю, где семена пшеницы только-только начали прорасти, а овсюг уже пустил всходы?

– Ну, ладно, ладно, все уже знают, что ты крутой, но давай ближе к цыганам, людям это интереснее, чем твой сцеп стерневых сеялок.

Чтобы извлечь зуб из бороны, её надо раскрутить. Всё зажавлено и просто так раскручиваться не желает. Поливают маслом, соляжкой, размягчают, откручивают гайки. Вот, он, вождь, теперь его надо накалить докрасна в горне (видимо у цыган была портативная кузница) и придать ему с помощью молотка первоначальную форму, закалить. Затем опять вернуть на

прежнее место, закрутить заржавленные гайки, полить мазутом, чтобы дальше не ржавело. Трудоемкая работа.

На представление первой отремонтированной бороны было приглашено почти всё правление колхоза.

Она оказалась единственной. Остальные для видимости действий переложили одну на другую, облили мазутом и оставили лежать до весны.

Время для расчёта выбрали с умом – начало ледохода, когда связь с районом только по телефону и радиии, никто никакой комиссии для разрешения спора и, тем более, милицию, не пошлёт. Кому охота связываться с цыганами?

Табор оккупировал контору и требовал денег. Председатель колхоза сказал, что х... вам, а не деньги и попытался укрыться в кабинете, чтобы сообщить о налёте, но не успел, и за ним ворвались несколько цыганок с маленькими цыганятами. Цыганки захватили телефон, а цыганята носились по помещению, рвали бумаги и портили мебель. Рация тоже оказалась в руках пришельцев. Это те факты, о которых мне потом рассказывали. На их основе можно было бы построить увлекательную историю о том, как местные жители с ружьями пытались отбить у, тоже вооружённых цыган, своё руководство, но я не буду этого делать. Никто никого не отбивал. Это было *конторское* дело, а конторских обычных работяги не очень-то жалуют.

После многочасовой осады председатель был вынужден сдаться и дать команду бухгалтеру выплатить грабителям деньги. Не все. В результате переговоров был достигнут компромисс, чтобы стороны могли сохранить лицо, но цыгане выиграли больше. Получив деньги, они тут же засобирались и отбыли восвояси по дорогам правобережья в направлении Омска, ища новые жертвы. У тех же, кто оставался, в голове нет, нет, да и мелькала одна крамольная мысль: – «А так ли уж был неправ Гитлер?».

Мне оформили документы, я тут же получил какие-то подъёмные, видимо, в размере месячного оклада. Каков был мой оклад? Убей, не помню. Могу только предполагать, что если в

Казахстане в те годы главный агроном совхоза получал 180 рублей, то здесь, где площадь пашни в пределах хозяйства была на порядок меньше, оклад тоже подвергался коррекции. Наверное, я получал 160 рублей в месяц, в лучшем случае 170. Деньги меня никогда особо не интересовали. Я знал, что их не хватает, а сколько не хватает, какая разница, не хватает – и всё. Впервые чувство, что мне стало хватать денег, я испытал в Германии. И это при том, что я всегда беру то, что мне нравится, невзирая на цену. Естественно, речь идёт о предметах первой необходимости, то есть о еде и выпивке.

По получении денег я тут же пошёл в магазин, их было в селе два, продовольственный и хозяйственный, и купил пару резиновых сапог и фуфайку.

Мы все умные. И вы, мои уважаемые читатели, и я, ваш автор, раз вы меня продолжаете читать. Но мы все ничто перед историей и сонмом наших неведомых предков. Что такое деревня? Как она образовалась? И почему именно там, а не в другом месте?

Егоровка – село, центр Егоровского сельского поселения, расположено в лесной подтаёжной зоне на берегу реки Колонсаса (Кава, как называют её старожилы) – правого притока реки Уй, на правом берегу Иртыша (ах, какие вкусные слова!), в 65 км. северо-восточнее райцентра. Расстояние от Омска 361 км. Сегодняшнее транспортное сообщение через р. Иртыш по Самсоновскому мосту, который был сдан в эксплуатацию в 2004 году.

Основано в 1896 году вольными поселенцами из Витебской, Гродненской и Минской губерний (зямляки) на месте, свободном от леса, прозванном Золотой горой. Первоначально селились хуторами.

Число жителей сегодня – 295 человек. Было на сотню больше. Рельеф холмистый, изрезанный. Почвы дерново-подзолистые. Растительность древесно-кустарниковая (хвойно-лиственные породы).

В ту пору, о которой я вспоминаю, в состав колхоза им. Свердлова кроме самой центральной усадьбы входили ещё Курляно-Дубовка, Юрьевка, Межевная и Кошкуль. Сегодня Кошкуль и Юрьевка существуют только в памяти.

В Курляно-Дубовке жили преимущественно латыши. Деревня была основана в начале 30-х годов в период коллективизации, когда происходило сселение жителей многочисленных эстонских, латышских и немецких, так называемых Верхне-Бобровских хуторов в более крупные населённые пункты. Число сегодняшних жителей – 132 человека.

– История появления латышей в Тарском районе напрямую связана с реформами Столыпина. Латышские переселенцы служили примером обособленного ведения хозяйства. Как привыкли у себя к хуторам, так и продолжили эту традицию в Сибири. Получив землю в зоне рискованного земледелия, латыши сумели очистить участки от деревьев, оградить их от подступающей тайги и выжать из имеющегося реально возможные урожаи. *(А белорусы и русские, что, не очищали, не ограждали и не выжимали?)*.

«Столыпинские» переселенцы получали бесплатную землю, подъёмные деньги и помощь при переезде, а уже потом, освоившись на новом месте, забирали родственников и соседей из Латвии, то есть миграция проходила в сносных и даже комфортных условиях. Хотя латыши вели хозяйство хуторами, здесь они строились тесными группами и образовывали центральный посёлок, в котором размещалась контора управляющего, клуб и изба-читальня. Всего таких посёлков было два десятка и каждый объединял до полусотни хозяйств.

Раскулачивание, коллективизация – хутора ликвидировались, а крестьяне объединялись в крупные посёлки с колхозом, обучение на латышском языке прекратилось. К настоящему времени осталось всего две деревни: Бобровка и Курляно-Дубовка. В последней латышей уже совсем мало, зато в Бобровке – половина жителей.

Текст писался людьми, которые приехали из Латвии посмотреть, как живут их соплеменники. Ничего, живут и чтят национальные традиции. Меня в их исторических экскурсах заинтересовали цифры. 50 хуторов, в каждом из которых проживало, скажем, по 5 человек, умножить на 20 посёлков, получается 5000 латышей. Полез глубже, в диссертации историков и там нашёл 13 латышских селений. По переписи населения 1926 года в Тарском районе проживало 2188 латышей, в т.ч. на селе 2072. В 2002 г. – 316 человек. По эстонцам цифры, приблизительно те же: 1926 год – 2081 человек, 2002 – 336.

Юрьевка была чисто эстонским селом, и если в Курляно-Дубовке дома строились по-латышски, с оглядкой на местные особенности, то в Юрьевке по-чухонски, по крайней мере надворные постройки. Совсем другая архитектура. И если кого-то нервирует это слово, тот должен обратиться к истории и выяснить, что чухной в народе называли карело-финское население окрестностей Петербурга, к которому относили и эстонцев (чудь, меря, весь, сету и прочие). От термина происходит также «Чухляндия», место, где живут чухны.

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца.

В. И. Даль в своём «Толковом словаре» особо подчёркивает честность этого народа. Во времена перестройки где-то проскакивала информация, что в Эстонии было самое большое число легальных миллионеров во всём СССР.

Характерной чертой стереотипного чухонца Даль считал **пьянство**. «Сначала чухонец требует выпивки, потом выпивка требует выпивки, потом выпивка требует чухонца». И в то же время он в своей статье отмечал, **что чухон отнюдь нельзя называть пьяницами, но, напротив, народом весьма трезвым**. Запомним, друзья мои, этот далевский парадокс, он очень нам

пригодится, когда мы будем всматриваться в повседневную жизнь сёл, в которых автору приходилось бывать. Возможно, в нём кроется разгадка тайны и русской души.

В Межевной и Кошкуле население было скорее русским, но это были небольшие деревни.

Итак, пять интернациональных деревень образовывали колхоз, в котором было 2,5 тысячи гектаров пашни и 50 тысяч гектаров леса, болот и кустарников. По пашне – половина второй полеводческой бригады первого отделения совхоза «Аканский», по общей земельной площади – два таких хозяйства.

*Вверху лес возле Курляно-Дубовки, а внизу дорога на Межевную.
Ты смотри, как времена изменились. Гравием отсыпана.*

Глава 9

НАЧАЛО ТАЁЖНОЙ ЖИЗНИ

Председателем колхоза был Копотилов Александр Максимович, мужчина лет сорока, личность трезвая и серьёзная. До избрания председателем он работал главным агрономом Тарского районного управления сельского хозяйства, был кандидатом сельскохозяйственных наук, но это не редкость для Тары, где есть своя опытная станция. «Свердловчане» охотно проголосовали за него, поскольку он не был чужим для них, в своё время проходил в колхозе практику агрономом, будучи студентом ОмСХИ. Носил вместо майки тельняшку, имел золотой зуб, вёл себя независимо и солидно, как и подобает настоящему председателю. Что-то сродни герою Н. Караченцева из прекрасного фильма перестроенных лет «Колхоз интертейнмент».

– Союзные знамёна брали за вывоз навоза на поля, – но-стальгически вспоминал он свою прежнюю работу.

Эти тарчане и вправду были такими, им везде хотелось быть лучшими, во всех сферах деятельности. И зачастую это удавалось. Компетентные люди в руководстве. Спрос по полной программе. И в то же время помощь, не оставляли одного перед проблемами. Этот заряд от Манякина шёл, Первого секретаря Обкома партии. Четыре ордена Ленина по итогам четырёх пятилеток, звезду Героя получил за пятую. С кадрами работали по-умному, ценили руководителей и специалистов, если видели, что есть толк, боролись за человека до конца. А неожиданных житейских ситуаций было сколько угодно.

Копотилов, например, уже третий год жил в доме одной пожилой женщины, рядом с конторой. Семья его оставалась в Таре, в одной из тех, похожих на соты улья квартирках, что государство построило для сотрудников опытной станции и жена ни за какие коврижки не собиралась переезжать бог знает куда. По мнению большинства людей Егоровка находилась на краю света

и это, отчасти, было верно, так как за границами колхоза начинались сотни и тысячи километров безлюдных Васюганских болот.

Для мужчин это не имело большого значения, они тешились работой. Не играло это особой роли и для местных жителей, в том числе и для тех, кто, как, скажем, учителя, получали образование и возвращались домой. Это была их родина, их привычный мир и они чувствовали себя в нём комфортно. Учителя – они вообще к любым условиям приспособляемы. Стиснут зубы и сеют разумное, доброе, вечное. Да как сеют! Если интернет не врёт, то из 536 выпускников Егоровской средней школы 220 в дальнейшем получили высшее образование. Но жёны специалистов, вынужденные последовать за мужьями, к тому же сами окончившие средние или высшие учебные заведения, в душе ненавидели эту деревню: им предстояло здесь, как они сами мне рассказывали в порывах откровений – «**обабиться**».

Александр Максимович не сидел сложа руки. Вот уже второй год бригада приезжих строителей из Западной Украины наряду с другими объектами строила рядом с конторой кирпичный дом для председателя, вернее для его жены, и дело шло к завершению. Когда он с гордостью решил мне его показать, и мы вошли, я подивился фантазии хозяина. Стены комнат, по крайней мере в коридоре и кухне не предназначались для будущих обоев, они были неравномерно оштукатурены и покрашены в перетекающие друг в друга цвета. Дом должен был стать западнёй, попав в которую его жена не смогла бы сопротивляться и дала бы согласие на переезд. Отапливаться он должен был от школьной котельной, большого огорода не предусматривалось, только палисад и огородчик. Ну и надворные постройки, естественно. Амбар, баня, сарайчики. Насчёт туалета точно не помню, но что-то в доме планировалось, видимо с учётом септика.

Дом как дом, по сегодняшним меркам – халупа, но, я думаю, хотя и не буду утверждать это безоговорочно, он был в то время единственным зданием колхоза (после школы, наверное), построенным не из брёвен. Видимо по его поводу «капали» в рай-

он, но начальство хранило мудрое молчание. Как председатель Копотилов их устраивал, попробуй, найди другого подходящего, который поедет к чёрту на кулички и будет тянуть там воз. Наоборот, торопили с домом и настаивали на скорейшем воссоединении семьи, чтобы не нарваться на действительно настоящий скандал.

– А что, во всей Егоровке не было ни одного подходящего дома для председательской семьи? – удивляется Мир.

– Ну как не было? Был. Крестовый. 10 на 10, а может быть даже и 12 на 12. Самый большой в селе. В нём прежний председатель с семьёй жил. Места много, попробуй натопи зимой. Огород, хозяйство. Председатели – они редко дома бывают, работа такая, а если ещё человек перед людьми совестливый, то бедная его семья. Всё на плечи жены ляжет. И не захочешь, а обабишься. Прислуги ни у кого не было, не те времена на дворе стояли.

– И что, крестовый пустовал, а председатель на квартире жил?

– Пустовал, пока он жену уговаривал. Потом отдал его главному зоотехнику, своему заместителю. Прекрасный парень, организатор от бога, живой такой немец. Образование у него было среднее специальное, потому он в колхозе и задержался. А будь у него высшее, давно бы ему колхоз присмотрели на нашей правой стороне. Не выпускали из орбиты. На левой с кадрами было всё-таки полегче, цивилизация. Вот знаешь, когда латышами заинтересовался, то на один интересный факт наткнулся. Оказывается, во времена коллективизации кулаков из центральных и южных уездов Омской губернии (или тогда уже область была?) ссылали в Тарский уезд и именно на правобережье, то есть в наши края.

– Я вижу, ты совсем уже в образ вошёл – «наши края». Говори, да не заговаривайся. Так, и что зоотехник? Зачем ты его в крестовый дом поселил? Ты помнишь про чеховское ружьё, которое в первом акте висит на стене, а в последнем обязательно должно выстрелить?

– Я никого в крестовый дом не селил, это Копотилов так решил. А если ты уж такой педант, то будет тебе и ружьё, и охотник и шкура убитого подделом медведя, которую я сначала вознамерился взять с собой в Казахстан, но она была тяжела и нехорошо пахла, поскольку была ещё не выделана. К тому же на плечах моих висел пудовый мешок с образцами семян в Тарскую контрольно-семенную лабораторию, а в руках сумка и чемодан с вещами. Лёд был ещё ненадёжен.

У главного зоотехника была своя проблема, не менее драматичная, чем у председателя. Он сам был живчик, но жена его была ещё живее, такая красавица-брюнетка, с горящими глазами. Не буду утверждать точно, но, мне кажется, горели они от ненависти к Егоровке. В любом случае, она её не любила и поставила своей целью вырвать своего мужа из этого болота и переехать куда угодно: «Ты умница, мы с тобой нигде не пропадём (у них было два чудесных мальчугана дошкольного возраста), только давай уедем отсюда. Куда хочешь. Давай в Тару. Там хорошо, в Таре». Наверное, она была оттуда родом. Её желание было настолько велико, что зачастую переходило в истерики. Речь шла о навязчивой идее. Вот говорят, что москвичи нос задирают по отношению к остальной России, но это вы не знаете всей глубины презрения дамочки из райцентра в адрес деревни своего мужа, в которой ей по воле судьбы приходится существовать.

Короче, она достала его со своей идефикс и он, не выдержав, побил её. Мужики тоже не железные. Может и не сильно, но она со времён побоев гордо ходила по селу и всем говорила, что муж её теперь работает только на лекарства, хотя по её внешнему виду это было трудно заметить. С одного раза они только расцветают. Раз бьёт, значит любит.

Конечно, районное начальство было в курсе. В селе до святой троицы не хватало ещё одного человека, и вот я появился.

Александр Максимович, переночевав в своей тарской квартирке со строптивой женой, к обеду вернулся в колхоз и самолично повёз меня на пятиместном ГАЗ-69 показывать будущее

жильё. До нас (так будет вернее, потому что в доме жила моя жена, а я, по её словам, только «иногда приходил»), проживала семья бывшей заведующей молочным блоком, которая купила дом в Таре и переехала туда жить.

Дом был не отдельным, он занимал половину общего строения, но считался достаточным по сельским меркам. Весной, летом и осенью в доме только ночуют, а зимой, чем теснее, тем больше тепла от печи.

Всё оставалось на месте и Копотилев гордился этим порядком, поскольку дом был не собственным, а колхозным, и в отношении него действовали особые внутриколхозные правила. Единственное, что ему и мне не понравилось – отсутствие в бане котла для нагрева воды, который был выворочен со своего законного места и увезён в чуждый нам город.

– Наверное, они его за свои деньги покупали, вот и забрали. Ничего, и вы купите, они часто в магазинах бывают.

Перед вами фотография части села. Это Егоровка. В левой стороне жилые деревянные дома, за ними дворовые постройки, а уже за ними, до самого правого края снимка – огороды.

Их 180 штук, за счёт которых сегодняшние егоровцы и выживают. Плюс, конечно, пенсии, бюджетные оклады, у кого есть, ну, ещё охота, собирательство и изделия народного творчества. На месте целого колхоза одно фермерское хозяйство. На заднем плане лес, из которого могут прийти нежеланные дикие гости, поэтому практически вся деревня огорожена.

– Пока ещё есть возможность, тебе надо заготовить дрова. Я поговорю с мужиками, они помогут.

Поехали на двух мотоциклах. Ивану Адольфовичу, как парторгу, полагался «Урал», у зоотехника был служебный «Иж». Я и зам. директора по хозяйству, эстонец, сели на задние сиденья, в люльки были погружены три пилы «Дружба», канистра с бензином, топоры и нехитрая деревенская снедь, взятая ими из дома. Моё материальное соучастие в предстоящем действе было нулевым, разве что я купил в магазине пару бутылок водки.

Своенравная по весне Колонсаса уже ослабевала, и мы смогли переправиться в сторону густого леса. По ведомым только нашим водителям лесным дорожкам недолго елозили колёсами весеннюю грязь и остановились на краю поляны. Огромные, под 20 метров, берёзы окружали её. Кроны их терялись в вышине.

– Ну, что, место неплохое, начнём, пожалуй.

Надсадно завывали пилы и полтора десятка белых исполinov легли верхушками на поляну. Я обрубал немногочисленные ветки, а мужики пилили стволы на чурки.

Меня интересовали два вопроса: почему «пока не поздно» и как мы эти чурки будем отсюда вывозить? Оба вызвали снисходительные улыбки:

– «Пока не поздно» поймёшь через месяц, а вывозить твои дрова никто не собирается. Придёт зима, подморозит, тогда и перевезёшь.

Мы выпили, пообедали, поговорили; это всегда эстетично и красиво, особенно на природе, если венчает труд или часть его. Потом дело продолжилось.

Чурки раскалывали на большие куски, те, что потолще, на четыре части, потоньше напополам и укладывали в поленницы. Вниз клали сляги, чтобы дрова не соприкасались с землёй и не плесневели, а готовые поленницы укрепляли с боков кольями. За день, вчетвером, мы заготовили кубов 25, если не больше. Я был так благодарен своим товарищам, что просто не знал, как проявить переполнявшую меня признательность. Заметив это смятение, они стали успокаивать меня:

– Всё нормально, Виктор, сегодня мы тебе помогли, а завтра ты нам поможешь. В одиночку здесь не выжить.

Мы не были браконьерами. На другой день я пошёл, не помню, правда, куда, то ли в сельсовет, то ли в колхозную кассу и заплатил за порубочный билет.

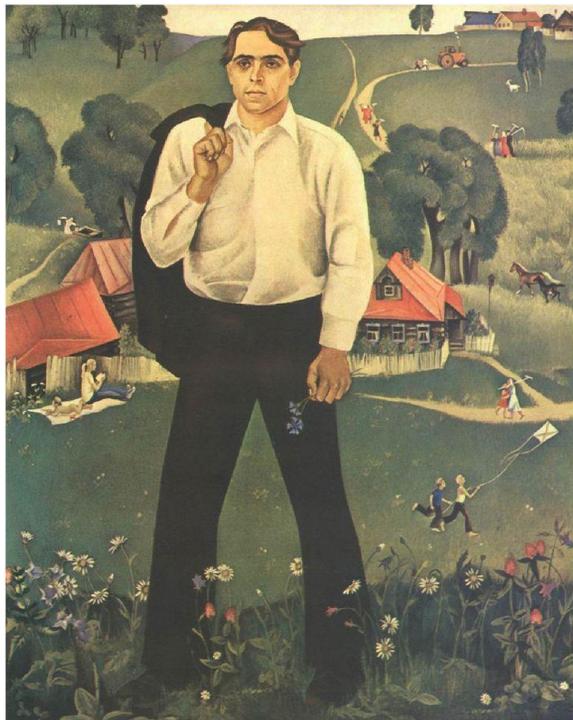
– Не вздумай платить за 25 кубометров, скажи, что пять, этого достаточно, все так делают. Не для того люди в тайге живут, чтобы ещё за дрова переплачивать.

Итак, главная деревенская проблема была решена. Предстоящая зима уже не пугала. Я выписал с колхозного склада газовую плиту, баллон и установил их на кухне. Вода была в колонке. Егоровка хоть и располагалась на краю света, но свой водопровод, слава КПСС, имела. Смущало отсутствие котла в бане, но я заказал его продавцу хозяйственного магазина и, рано или поздно, его должны были привезти из Тары. Всё остальное было в порядке: и стайки, и амбар, и огород, и дощатая будка туалета. Крыша не протекала, все окна были целы. Я вооружился тряпками и навёл полный марафет

Можно было забирать семью. Копотилов выделил свой «газончик», трактор с телегой я организовал собственной властью. Хоть и укоряла меня жена, что живём, как нищие, но вещей набралось порядочно, едва уместились в кузове. Приехали, выгрузили, расставили. Подошли соседи, помогали и вещи носить,

и готовить. Мясо со склада выписал, попросил, подвезли в нужный момент. Что сварили, что в морозильник положили про запас. Посидели по-людски за приезд. Я протопил печь. В потоках расслабляющего домашнего тепла мне показалось, что всё в порядке и я пошёл на работу.

Вернулся с неё только в марте 1991 года.

Картина называется «Председатель». Вроде рано её вставлять в повествование, но очень часто «председателями» становились именно агрономы. Посмотрите в его глаза. В них нет радости от должности. Есть только забота.

Глава 10

ПРО ЛОШАДЬ И КОЛХОЗ

Май вступал в свои права. Нужно было проводить предпосевную обработку почвы, вывозить семена на площадки для теплового обогрева, сеять. Дни перемешались с ночами. Пять деревень, пять токов, поля, культуры, сроки сева, нормы высева. Утверждённый план посева лежал на моём столе и должен был неукоснительно исполняться. У меня была помощница, агроном-семеновод, спокойная такая, ответственная девушка, в положении. Её молодой муж часто заходил за ней в контору и ревниво на меня поглядывал. Хрен их знает, этих таёжников, что у них на уме, места глухие, оружие в каждом доме. Старался наедине с ней не оставаться, и никуда вдвоём не выезжать, чтобы ни у кого даже мысли не появилось пустить сплетню.

Копотилов, не обременённый личным хозяйством и проживающий напротив конторы, взял за моду проводить планёрки в 6 часов утра. Это имело под собой основание, поскольку животноводы начинали свою работу ещё раньше. Этика трудовых отношений. На каждой ферме рация. Начальство тоже не спит, беспокоится о производстве. Может и правильно. Почти все специалисты жили недалеко от конторы, мне же, чтобы по грязи до неё добрести, требовалось полчаса. То есть вставать я должен был в пять часов утра и, крадучись, как тать, чтобы не разбудить жену и сына, одеваться в темноте, оправляться в будке и умываться. Всё бы ничего, но у меня была своя этическая норма – не прекращать работы до тех пор, пока механизаторы не покинут поля. Наверное, глупость, но я готов повторить её снова, чтобы иметь право открыто смотреть людям в глаза. Домой возвращался с первыми звёздами, то, сё, вот тебе и полночь. *(Не тянуло нашего автотора домой. Ох, не тянуло. Подождём, может на каком предложении и расколется.)*

Жена моя в неделю прозрела и поняла, как счастливо ей жилось в Таре. Там она могла терзать меня относительно часто, здесь же привычная жертва всё время куда-то исчезала. Её заветной мечтой стало удержать меня хотя бы ненадолго в доме, чтобы я что-то в нём сделал, или посидел с Димкой, пока она домашнюю работу делала. Делал, сидел, но не долго. Не было столько времени. Я существовал уже в другом мире, и этот меня только хватал за ноги. «Завод хлеб выпекать может!»! Главное я сделал, с деталями разбирайся сама. Кроме меня есть ещё и соседи, они помогут в случае крайней необходимости.

– Что, Мир, страшно? Оставил молодую женщину с девятимесячным ребёнком одну в доме, а сам ушёл работать? Ты ещё тех послушай, которые из своих благоустроенных квартир, с нормированным рабочим днём с 9 до 5 и двумя выходными в меня камни начнут кидать. Что я ещё мог сделать? У местных были родители. Вместе легче. Нам надо было терпеть и приспособливаться. К тому же у деревенской жизни свои законы: чтобы выжить, надо обзаводиться хозяйством.

Война не для всех одинакова.

Пускай меня не было дома, но семья моя не голодала. Я выписывал со склада те продукты, что в нём были и привозил. Мясо, крупы, макароны, яйца. В магазине прикупал. Соседи молоком и маслом делились. Скоро своя зелень пошла.

Как обрадовалась она, когда на току на мою ногу упало крыло зернопогрузчика и порвало бедро. В ФАПе красивая фельдшерица забинтовала рану, не сделав ни малейшей попытки её зашить, и этот широкий шрам до сих пор украшает меня. Сам я идти не мог и меня привезли домой. Неделя покоя.

– Ой, как хорошо!

– Какая неделя? Вы что, очумели? Посевная идёт!

Утром вышел с костылями за ворота, попросил соседа довезти до конторы, а дальше, как уж получалось, руководил по рации, потом перебрался на центральный ток, куда приезжали те, у кого возникали вопросы по поводу посева.

Как главному агроному, мне полагалась лошадь. Я мог запрягать её в повозку или ездить верхом, в седле. Это обладание сразу подняло мой авторитет среди соседей. Наряду с колхозной посевной кампанией началась посадка частных огородов, тех самых, огромных, которые сегодня спасают село. Землю пахал трактор. А сажали картофель с помощью специальной сохи, которую тянул конь. Первым проходом делалась глубокая борозда, в которую бросали семенные клубни, а дальше соха засыпала её землёй и делала новую. Этой же сохой впоследствии растения и окучивали. Все ближайшие соседи воспользовались «моим» мерином, а в благодарность собрали семена и помогли засадить наш огород.

Если к огороду добавить огородчик, в котором садилась вся зелень и который надо было поливать и пропалывать, да ещё двух поросят, корову и цыплят, появившихся впоследствии, то назвать нашу жизнь скучной можно было только с большой натяжкой. Котёл привезли, я вставил его в печь и обмуровал глиной. Теперь можно было мыться в бане, а то я за весну вообще дошёл. Постоянно в пыли, в грязи, потный. Что там, ополоснёшься вечером в тазике, а на следующий день опять по полной программе. Лез везде, в поле, рядом с механизаторами, пальчики брезгливо не отдёргивал, не обтирал. Скорее учился, чем сам учил.

Для бани нужны были дрова. Взял трактор с тележкой, поехал на «свою» поляну, накидал пару кубов из поленицы. Понял значение фразы «пока не поздно». Изгрызли меня комары ну прямо до костей, и это в обычном смешанном лесу, где воздух ещё движется, а в настоящей хвойной тайге, если отодвинешь лапу ели, такой гул услышишь, что сразу её на место и вернёшь.

После планёрки, часов в 8, я шёл на конюшню и запрягал своего коня в повозку. Конюх меня этому научил, но в число его лучших учеников я не входил. Не было у меня навыка обращения с лошадьми, как у некоторых крестьянских детей. Затем ехал до-

мой позавтракать и что-то из еды взять с собой в сумку. На крики жены, что надо и то, и то сделать в доме, я спокойно отвечал:

– Ты что, не видишь, лошадь ждёт.

В течение дня, который зачастую длился более 12 часов, мне приходилось не раз его распрягать и, соответственно, опять запрягать. Сначала я этого не делал. Подъезжал к полю, подвязывал вожжи и давал возможность пастись не распряженному. Сам уходил к трактору и там занимался своим делом, экспериментируя с сельскохозяйственными орудиями. За этот час-другой счастливый мой конь, хрумкая свежую траву, уходил чёрт-те куда от того места, где я его оставлял. Видя, что я к нему подхожу, он косил глазом и, как бы играясь, отбегал, не давая приблизиться. Эти игры вскорости мне надоели, и я, предполагая, что задержусь на поле долго, стал его распрягать и привязывать, чтобы он и траву щипал и убежать не мог. Тоже дополнительная потеря времени, которое было у меня на счету.

– Я лучше верхом буду ездить.

– Ну что же, верхом, так верхом, смотрите, только коня не угробьте.

Езда в седле оказалась мучительнее, чем тяготы запрягания, распрягания и погони за игривым конём. Лучшим способом езды был шаг, но он не отвечал моему темпераменту и тем целям, что я ставил себе на день. Рысь увеличивала скорость передвижения, но отбивала задницу, а кожа на внутренних сторонах бёдер уже в первый день была стёрта до крови. Но я нашёл выход. Пускал коня в галоп на несколько минут, а затем переходил на шаг. Потом повторял снова. Мои ляжки при галопе не так тёрлись, но за несколько дней я сбил седлом коню холку. Не знаю, что я должен был делать, затягивать ли туже подпругу или плевать на свои боли и не сидеть на седле, как на стуле, а привставать на стременах, но лошадь я на время угробил и получил от конюха презрение.

«Лошадиная» эпопея длилась около двух месяцев. Утром я его забирал из конюшни, вечером сдавал и плёлся домой.

Одним из недостатков моего коня был страх перед медведями. Возможно, в его основе лежало какое-то личное воспоминание. Поехали мы раз в Кошкуль, это километров двенадцать от Егоровки. Проехали часть пути и тут, вдруг, конь стал артачиться. Он остановился, запрядал ушами, захрапел, стал приседать на задние ноги. Сколькo я ни понукал его, он не двигался с места. Вдруг, впереди нас, из подступающего леса на дорогу вышли два медведя и скрылись в другой его половине. Конь подпрыгнул, развернулся в воздухе и с места взял в карьер. Как я с него не свалился, остаётся для меня загадкой до сих пор. Повода он не слушался и через несколько минут мы снова были в Егоровке.

А потом правление колхоза решило купить мне мотоцикл «ИЖ» с коляской. Дороги подсохли, колеи выровнялись и проблем с ездой уже не было. Привезли на машине из Тары в заводской деревянной упаковке и выгрузили во дворе дома.

Наверное, будет уместным именно сейчас рассказать о том, что такое колхозы и чем они в то время отличались от совхозов. Тех и других в стране было около 50000, приблизительно в равных долях. Совхозы – это государственные предприятия, в которых все средства производства ему, государству, принадлежали, а люди, в нём трудившиеся, были рабочими и служащими, получавшими за свою работу ежемесячную оплату. Колхозы изначально имели коллективную собственность, реализовывали свою продукцию тому же государству и в конце года делили прибыль между членами своего коллектива по количеству выработанных трудодней, как в денежном выражении, так и в натуральных продуктах. Это если было что делить. До окончательного расчёта колхозники получали какой-то небольшой ежемесячный аванс, как деньгами, так и продуктами.

К концу 70-х о трудоднях вспоминали только пожилые люди. Государство, пробираясь тернистыми путями к развитому социализму, стремилось сгладить различия между колхозами и совхозами. Им так же доводились планы, выделялись фонды, а сами колхозники, как и рабочие совхозов получали твёрдые окла-

ды или заработную плату с выработки по утверждённым тарифам.

Одинаково.

Не-а. Не одинаково. Различия всё-таки оставались. Моя задача не углубляться в детали и не терять за деревьями леса, а настойчиво ползти дальше по своей спирали, отражая на страницах «Броуниады» чувственное восприятие Мира, окружавшего меня в те времена и приобщаться к бессмертию. Человечество испокон веков стремится перевести себя в информацию, то же самое сейчас, пусть и в меньших масштабах, делаю я. Но, кое-что по поводу различий следует упомянуть.

В колхозе им. Свердлова в 1978 году с заработной платы колхозников не взималось подоходного налога. Вот не взималось, и всё тут. По всей стране – 13%, если твой заработок более 100 рублей, а колхозникам – привилегия. И ведь нигде об этом не упоминается, писари всё больше о зверствах государства в отношении крестьян разглагольствуют. И я бы не знал, если бы не получал в кассе свои 160 рублей целёхонькими.

Правление колхоза. А, одна формальность, только так, для галочки! Нет, ребята, не формальность и не для галочки, а вполне даже работоспособный орган и надёжная защита председателя во взаимоотношениях с районным начальством.

Правление колхоза решило...

Избиралось правление на общем собрании колхозников, председатель и главный бухгалтер по роду своей деятельности проходили автоматически, а вот остальных действительно выбирали. Самих выборов я не видел из-за ограниченности времени пребывания в тех благословенных краях, но членов правления наблюдал вблизи. Колоритнейшие люди! Колхозники вообще любят поговорить, это у них в крови со времён коллективизации, но члены правления – это что-то особенное. Трибуны. Небезразличные. За колхозное добро душой болели.

В начале мая говорит мне Коптилов на своей сверххранной планёрке:

– Поезжайте сегодня в Межевную и разберитесь с обстановкой. Бригадир там нет и пока никого не можем уговорить на эту должность. Сами поговорите с трактористами, озадачьте их, скажите, чтобы выходили из спячки и срочно готовили технику к посевной. Там заведующей клубом работает член правления, она людей соберёт.

На сухом месте возле какого-то деревянного, как и все вокруг, здания, стояло шесть или семь мужиков действительно сонного и затрапезного вида, а между ними молодцевато, если это определение можно отнести к женщине, вышагивала энергичная особа лет 50-ти.

– Ну, что, мужички, весна пришла? Не ждали? Сеять надо, мужички, хватит уже по домам сидеть, водку пить да с бабами по постелям валяться. (Потом я узнал, что она была вдовая.) Вот и агроном к нам приехал, то же самое вам скажет. Засучивайте рукава, мужики, проверьте трактора, лушильники, сеялки, бороны, чтоб этим цыганам пусто было, и за работу, ребята! Весенний день год кормит.

Мужики разом зашевелились и дружно полезли в карманы за папиросами:

– Оно, конечно, сеять надо. Как же не сеять, весна на дворе. День Победы ещё отпразднуем и сразу в поле. Только мне радиатор запаять надо. А мне бы пускач заменить. А мне на сеялку... А мне...

– Я всё запишу и передам ваши просьбы главному инженеру. Попрошу его завтра же к вам приехать и уточнить всё в деталях.

Расходились уже по-деловому. Мою миссию можно было считать выполненной.

– А что они такими сонными выглядят?

– Отдыхают, – с какой-то затаённой обидой ответила моя помощница. Вы не подумайте ничего плохого, у нас мужики хорошие, работающие, и пьют в меру, не то, что некоторые. Да Вы сами их скоро в деле увидите. Не подведут. Время сейчас такое –

межсезонье. Грязь кругом. Дрова заготовили и отдыхают. Всю зиму в тайге были, кто зверя промышлял, кто лес валил. Деньги заработали, что не отдохнуть. Бабы за ними как сыр в масле катаются.

Я безмерно себя корю, что не могу назвать имени этой интересной женщины (Александра?), с которой я в дальнейшем очень подружился. Как имена и других героев моего повествования о жизни за Иртышом. Они были в тех погибших тетрадах, которым я так опрометчиво доверил свою память, а теперь вот их нет. Скажу только, что по своему внешнему виду и поведению она очень напоминала мне мою любимую институтскую преподавательницу истории КПСС Тамару Ивановну Галкину.

Летом, когда у меня уже был мотоцикл с коляской и агрономические дела приводили в Межевную, я старался её разыскать и пригласить с собой:

– А давайте, уважаемая «Тамара Ивановна» поедем посмотрим, что мы там с вами насеяли.

Она всегда охотно соглашалась и садилась в люльку. Мы объезжали небольшие поля, что скрывались среди лесов, причём я всегда полагался на её знание местных дорог.

– А хотите, Виктор Михайлович, я покажу вам наше настоящее сокровище. Только нужно немного дальше проехать.

И мы через несколько километров оказались на берегу речки Уй. Я как это всё увидел, так и застыл с открытым ртом. Сине-зелёная гладь реки, это от неба и леса, очень высокий обрывистый правый берег белой глины и величавые сосны. Можно было с полным основанием заявить: «Остановись мгновенье, ты прекрасно», но в это время в мой рот залетел комар, потом другой, потом третий. После этого думать о красоте я перестал, и мы спаслись от напавшей на нас воздушной армады бегством. Когда-нибудь, если найдётся средство уничтожить комаров, не уничтожая вместе с ними реки, сосен и самого берега, люди со всего мира будут приезжать сюда и любоваться этой картиной. Но нам было подарено всего несколько минут.

– А почему «Уй»?

– Легенда такая ходит, будто сражение здесь происходило между войском Ермака и кучумовскими татарами. Татар побили, и они с обрыва прыгали в реку и кричали: «Уй! Уй!». Здесь и оружие находили и наконечники стрел.

В одну из встреч она пригласила меня к себе домой пообедать. Даже по скромным деревенским меркам жила она небогато. Неприхотливость быта скрашивалась только аккуратностью. Сорить было некому. Единственная дочь была замужем и жила в другом селе.

Настоящие идейные активисты получают из тех, кому лично нечего терять. Зажиточные, те предпочитают больше молчать и орут только в тех случаях, когда видят угрозу своему благосостоянию.

Я полностью с вами согласен, мадам. Она внутри нас.

Глава 11

ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ

Я не знал особенностей земледелия таёжной зоны. И в институте на занятиях не обращал на них внимание: мне предстояло работать в лесостепной зоне Северного Казахстана. Бог улыбнулся, и я оказался на границе Васюганских болот.

Лучшим вариантом поведения было не выказывать явно свою дурость, а больше наблюдать и учиться, благо было у кого. В Егоровке и Курляно-Дубовке были толковые управляющие, в остальных сёлах бригадиры. В Межевной «надавили на совесть» одного ответственного механизатора-коммуниста и заставили стать бригадиром, что сразу же превратило его из доброго, счастливого человека в несчастного. Но кто-то должен был тянуть эту лямку.

Агроном – специалист. Хороший или плохой, это уже другое дело. Он работает с управляющими и бригадирами. Самостоятельно давать указания механизаторам без особой нужды не должен: существует этика служебных отношений и ей следует руководствоваться. Начальник тракториста – бригадир. Учётчик бригады ведёт его табель и начисляет зарплату согласно существующих расценок и объёму выполненных работ.

«Моего» в этой посевной было мало. План ещё зимой составлял Иван Адольфович, и мне надлежало ему следовать. Я следовал, и поначалу со всякими мелочами лез к нему с расспросами, но потом понял, что делать этого не надо. Нехорошо, несолидно. Он сам вникал в муторную сферу обязанностей секретаря парткома и ему было ничуть не легче, чем мне.

Я наблюдал за работой механизаторов, решая чисто технические вопросы распределения семян, удобрений, ну и так далее. В саму организацию процесса не вмешивался, полагаясь на

многолетний опыт руководителей среднего звена и их знание местных особенностей.

Но в какой-то момент у меня, вдруг, возникли сомнения. Особенности особенностями, но правильно ли это? Можно ведь сделать лучше, надо только приложить усилия.

Расскажу лишь об одном случае, хотя их было, конечно, больше. Прощу прощения за простоту изложения и ненаучность терминов, но так будет понятнее. Земли в колхозе, грубо говоря, можно было разделить на «старопахотные», «новопахотные» и «среднепахотные». Со старопахотными, всё, вроде, понятно: это те поляны и раскорчёванные участки, на которых трудились ещё «дореволюционные» латыши, эстонцы, немцы, белорусы, русские. *(Что-то хохлов нет, странно, хотя они же со «степов», в похожие места и селились, в леса не лезли.)*

Новопахотные рождались на глазах сегодняшнего поколения. Сначала на отведённом под будущую пашню участке, желательного редколесном, с полянами, срезались и увозились все деревья. Затем лесомелиоративная бригада из города с мощной техникой выкорчёвывала пни и бульдозерами сталкивала их в большие кучи. Там, в этих кучах, дерево должно было перегнить и обращаться в «прах». Иногда кучи поджигали. Освободившаяся площадь перепаживалась кустарниково-болотным плугом и на ней уже можно было сеять сельскохозяйственные культуры.

Меня заинтересовали не они, а среднепахотные земли.

Как известно, из земли растёт всё. Немного позже я расскажу вам о чудесах, виденных собственными глазами, что может вырасти из неё, даже если ничего не сеять. На северо-западе нашей огромной страны из земли, например, росли камни и их приходилось собирать и вывозить на края полей.

В колхозе им. Якова Михайловича из земли появлялись палки. Чёрные, твёрдые, тяжёлые, с обкатанными до правильных окружностей боками они и не помышляли о гнилости.

Основным орудием предпосевной обработки были лучильники. Прицепные, не гидравлические. На их раме крепились

деревянные ящики, заполняя которые землёй, можно было регулировать глубину проникновения дисков в почву. Никакой земли или другого груза я в ящиках не заметил. Некоторые были вообще без ящиков. Они порхали по полю как бабочки, причиняя появившимся сорнякам лишь частичный вред. И даже повторное, уже поперечное лушение, мало улучшало ситуацию. Борон за луцильниками не было прицеплено, и именно этот момент посеял во мне сомнение. А кто будет вырывать подрезанные сорняки, чтобы они опять не проросли во влажной почве таёжных полей?

Среднепахотных земель в хозяйстве было процентов 30, остальные обрабатывались вполне приемлемо, по классической технологии, которая не вызывала у меня вопросов.

Так получилось, что первые свои претензии я высказал управляющему Егоровского отделения Николаю, человеку, которого я очень уважал и он этого, безусловно, заслуживал, но неуничтоженные сорняки резали мне глаз. Для начала я заставил оборудовать все луцильники ящиками и прицепить бороны.

– Не надо этого делать! – страдальчески возразил тот, но я умел настоять на своём.

Мы были вместе в поле, когда отрегулированный мной агрегат врезался в почву и начал по-настоящему кромсать и выдирать сорные растения. Вместе с сорняками диски стали извлекать ещё палки и другие древесные остатки, которые вскоре забили бороны и те стали волочь землю.

– Видишь, я же говорил, что так нельзя, мы ещё больше вреда наделаем. Ты прав, не все сорняки срежутся, но и палки в земле останутся. Пусть перегнивают.

– А кто тебе сказал, что положение безвыходное? Таких полей немного. Снизим норму выработки, я подготовлю проект приказа, Коптилов подпишет. У нас есть пустые ящики, нужно только периодически очищать бороны и складывать всё, что они насобирали, в них. А на краю поля выгружать, зато на следующий год картина будет уже совсем другая. Не веришь? Сколько здесь

гектаров? Двадцать? Ты езжай, у тебя других дел много, а я останусь, и мы вместе с твоим трактористом до вечера поле очистим.

На следующий день, подъезжая к похожему полю, я увидел, что два трактора лушат, но борон за луцильниками нет. Ящики есть, а борон нету. Вывороченные палки валяются тут и там, напоминая почерневшие кости неведомых животных, павших в борьбе с наступающей цивилизацией. По ним завтра поскочет сеялка. А как будут подбирать валки? Ведь подборщик гребёт с земли всё подряд. Бедные подбарабанья! Я не знал тогда, что здесь зерновые убирают только напрямую.

Николай нервно ходил по краю поля, поджидая меня.

– Трактористы бунтуют. Сказали, что они не рабы и не идиоты, чтобы каждые пять минут останавливаться и очищать бороны. Тяжело.

– Я знаю, что тяжело. Но мы же вчера договорились. Дай им помощников.

– Нет у меня лишних людей. Каждый человек на счету. Будем паровать – подчистим, обещаю, раз уж это для тебя так важно. Не психуй, здесь нельзя так сразу всё ломать. Постепенно надо.

Но я «психанул». Лицо моё исказилось, я огрел ни в чём не повинного коня плёткой и рванул в галоп. Мест этих я не знал и вслепую направил его между двух закраек леса. Последнее, что я услышал, был крик управляющего:

– Не дури! Здесь опасно!

Морда лошади упёрлась в ельник. Трава вокруг была нетронута. Здесь явно никто никогда или, по крайней мере, давно, не ездил. Ни колеи, ни тропинки. Я слез с седла и подошёл к тугой чаще. Отодвинул лапу и услышал гул, который, поджидая добычу, производили своими крыльями миллионы, а, может, и миллиарды комаров и гнусов. Нехороший холодок прополз по моей спине.

Я огляделся. Ехать можно было куда угодно. Хоть направо, вдоль ельника, хоть налево, хоть назад. Но путей назад было не три, как в сказке, а целых пять.

И тогда я вспомнил его. Тот самый очерк в «Комсомольской правде» за прошлый или позапрошлый год, где описывался случай с одной студенткой агрономического факультета Тимирязевской сельхозакадемии, которая была направлена для прохождения шестимесячной производственной практики в один из северных колхозов Омской области и там пропала. Как же называлась та деревня? Мартыново? Мортышево? Морташево? **Мартюши!** Ну конечно же Мартюши, где убили Лизу Разгуляеву. На картах её обозначают как Мартюшово, но в разговорной речи – Мартюши. Вот ведь как мир тесен.

Дело было в начале мая. Сельскохозяйственные работы уже начались, но было холодно и с неба то и дело сыпала снежная крупа. Тепло одевшись (вязаная кофта, фуфайка, шерстяные носки, резиновые сапоги, платок, гамаши, (или рейтузы?), я в этом плохо разбираюсь, но брюк тогда девушки не носили и выглядели куда более привлекательнее, чем сегодняшние их сверстницы), практикантка пошла на поле смотреть, как работают трактора. *(Старый пенёк, тебе сколько лет тогда было, а сегодня сколько? Эксперт, б...!)*

Агронома, как и волка, ноги кормят, поэтому она пошла по дороге, шла, шла, *(конь ей не полагался: если каждому практиканту коня давать, в стране лошадей не хватит)*, и услышала, как за лесом гудит трактор. Практикантка обрадовалась и решила спрямить путь. Свернула с дороги и рванула напрямик через чащу, благо комары и гнус в ту пору ещё не проснулись.

Нашли её через две недели в Васюганских болотах. Она прошла что-то около 300 километров. Ей здорово повезло. Аномальный весенний холод с ночными заморозками не давал болотам быстро оттаивать, и она шла по сравнительно твёрдой поверхности. Была тепло одета и выдержала заморозки. Питалась клюквой и брусникой, которые после зимы ещё не сгнили. Когда

тайга осталась позади, не стала возвращаться в неё, а старалась держаться открытых мест. Верила, что её ищут. Там было ещё что-то про медведей, но я забыл. То ли они ещё спали в берлогах, то ли женщины умеют так страшно кричать, что их боятся даже медведи.

От Егоровки до Васюганья было ближе, чем от Мартюшей.

Я повернул коня задом к ельнику и опустил поводья. Через полчаса он вывез меня на дорогу. Николай был ещё на поле. Я подъехал и сказал, что он прав: будем чистить в паровых полях.

В моём рассказе не главное, что я делал. Все в своих индивидуальных ситуациях что-то делали, вполне возможно, что куда более серьёзные вещи. Важнее, каким я был, что я чувствовал и что определяло мои действия. Ну вспоминай же, вспоминай!

Мне кажется, я напоминал шаровую молнию, которая во время грозы через открытую форточку проникла в комнату и парила там от одного предмета к другому к ужасу находившихся в ней людей. Взорвётся или уплывёт тем же путём, что и приплыла?

– Вы какой-то бешеный, – сказал мне Копотилов накануне уборки. – Здесь нельзя так. Здесь спокойнее надо. Не распляйтесь. Сосредоточьтесь на егоровском токе. Он главный. Хлеб обмолят и привезут без вас. Зерно сырое, потому что убирают напрямую. Его надо спасать. Провеивать, сушить. Главное – семена. Работы по горло.

Возможно, закрепляя меня за током, председатель исполнял пожелания управляющих и бригадиров. Те нутром чуяли, что я буду экспериментировать и со способами уборки. Зачем сушить зерно на мехтоках, если на чистых старопахотных участках его за неделю теоретически можно высушить в валках? Но это же постоянное переоборудование. Жатка, мотовило, подборщик, снимать, ставить. Господи, пусть он сидит на току и мучает командировочных!

Конечно, со временем я бы успокоился, найдя по всем проблемным вопросам какое-то компромиссное решение, устраивающее все стороны. Я ведь не упёртый рогами в землю хохол. Я белорус. Со мной можно решать вопросы.

Но на Егоровку судьба отпустила мне чуть больше шести месяцев. Ладно, не шаровая молния. Метеор. Прилетел, что-то там осветил и улетел.

Девчата из омских предприятий и организаций, прибывшие в колхоз, как и во все остальные совхозы и колхозы области, для помощи в уборке урожая, на первой встрече держались настороженно и общее мнение высказала старшая из них:

– Мы будем делать то, что нам положено, но трудовых подвигов от нас не ждите. У вас и свои люди есть, пусть по домам не сидят и не пьют, а тоже работают. *(У городских это очень распространённый взгляд на деревенских жителей, как правило имеющий под собой основанием лишь встречу у магазина с парой люмпенов, которых сама деревня уже давно отторгла.)*

Бедная горожанка! Она не поняла, в чьи руки попала. Через неделю все 15 девчат стали Ударницами коммунистического труда, а старшая – моей первой помощницей, которая не только сама работала, но ещё и подбадривала остальных:

– Девочки, девочки! Нам повезло участвовать в настоящем деле! Судьба выращенного урожая в наших руках. Не надо, девочки, смотреть на часы!

Я организовал круглосуточную работу тока и мы, дожидаясь транспорта, который должен был вывезти зерно на элеватор, держали его «в воздухе», не давая согреться. Параллельно начали сушить семена.

Меня завораживала магия коллективного труда. Я до сих пор считаю его самым лучшим, что социализм дал людям.

Заведующая током, которая была ещё и заведующей складом, не могла на меня нарадоваться. Я взял на себя большую часть её забот. Она имела теперь возможность вечером на пару

часов отлучиться и управиться с хозяйством. Подоить корову, уложить детей. Я подстраховывал.

У меня не было дома в общечеловеческом смысле, не было охоты в него возвращаться. Единственным родным мне человеком был только Димка. Что сразу не сложилось, то уже не сложится никогда. Если у вас в самом начале отношений было несколько счастливых дней с обоюдной радостью, то воспоминания о них можно растянуть на всю жизнь. Жест, слово, взгляд, поступок. Видишь, Мир, какой я неприхотливый. Но растягивать было нечего. Приходить к укорам и вечно недовольному выражению лица лучше позже, чем раньше. Ты встреть с добром, с радостью на лице, глядишь, я в другой раз и потороплюсь. А так я замыкался в себе. *(Не по хорошу мил, а по милу хорош.)*

Домом стала работа. Люди дарили мне своё тепло, я отвечал им взаимной привязанностью. От официального веяло холодом и постоянным недовольством.

В «обитель зла» нужно было ещё попасть. Пусть я плохой муж и на меня при желании можно навешать всё, что угодно, но все знают, что я не хам и во мне живёт деликатность. Глухие места, дом на окраине, молодая женщина с маленьким ребёнком, вечно где-то болтающийся призрак мужа, как обезопаситься? Она стала закрываться на крючок. *(Про крючок уже что-то было.)* В обед, когда отдыхала с сыном, вечером, когда ложилась спать. Нет, тут всё правильно, мало ли что? Ей тоже хватало забот за целый день. Спите, отдыхайте, я не потревожу вашего отдыха.

К дому была сделана пристройка, которая начиналась сеними и заканчивалась кухней. Окно кухни выходило во двор. Столкнувшись в первый раз с закрытыми дверями, я не стал возмущённо стучать ногами в дверь и барабанить по стеклу, а поставил чурбак к кухонному окну, отвернул гвозди, которые удерживали раму и снял её. Забраться внутрь не составило особого труда. Ногами на стол, потом на табурет и ты уже дома. Главное, чтобы жена в темноте с испуга не преставилась. А так, зачем нам двери? Я и днём, и ночью окном пользовался.

Глава 12

ПРО АРИСТОКРАТИЗМ «СОВКА»

– Наверное строже надо было, – вслух рассуждает Мир. – Как сам сегодня считаешь?

– Ругани лишней не хотелось. Это кто абсолютно правили в благоустроенной квартире живёт, может себе такую роскошь позволить. Я своих жён никогда не воспитывал, они портились естественным эволюционным путём.

Выпивать приходилось. Ситуации разные в течение дня складывались. Приглашали, угощали, события отмечали, за помощь благодарили, сами мужики скидывались. Аванс, получка. Если алкоголь присутствовал, то он и должен был когда-то потребляться. А в том, что выпить надо, сомнений ни у кого не возникало.

Я пытаюсь осознать двусмысленность той ситуации и найти виновных. Государство? Его задача выставить алкоголь на прилавок, и беда тому кооператору, который окажется нерасторопным. 25% бюджета того времени – это выручка от продажи алкоголя. Зарплата учителей, врачей, военных, милиционеров. И в то же самое время лозунг: «Пьянству бой!»

Потребитель? Каждый действовал по своему разумению и темпераменту, но страну мы не подводили и палки ей в колёса не ставили. Лично я не считаю алкоголь вселенским злом, в определённых ситуациях он приносит не только удовольствие, но дарит душе гармонию с окружающим миром: «Да пошло бы оно всё... лесом!» Другое дело, какова была цена, да, да, самая обычная материальная цена этой гармонии. По моим наблюдениям и подсчётам изъятие денежных средств у населения за счёт продажи вина и водки носило в те годы привычно беспрецедентный характер, но, как бы в качестве компенсации за беспредел, порождало аристократов духа. Мужик в рваных штанах платил за бутылку столько же денег относительно своей зарплаты, сколько

сегодняшний немец из «Мерседеса» в элегантном костюме с шёлковым галстуком платит за элитный алкоголь относительно своей. И это ещё вопрос, кто из них аристократичней? Немец то мнётся, что-то выгадывает, у него есть выбор. А русский на последние, без сдачи. «Действительно, было в Михал Иваныче (*деревенском забулдыге*) что-то аристократическое. Пустые бутылки он не сдавал, выбрасывал. – Совестно мне, – говорил он, – чего это я буду, как нищий...». Сергей Довлатов. «Заповедник».

Вы, сегодняшние мудозвоны, прежде чем разбрасываться словом «совок», сначала встаньте с ними вровень. Не по пьянству, а по величию духа и широте души.

– Что мы всё про работу, да про работу, как будто другой жизни нет, – сказал мне однажды Николай. Поехали в Межевную, я тебя со своим одноклассником познакомлю. Он у нас художник. Талант. Да сам увидишь. Поехали, не пожалеешь.

Зашли в магазин, сложились, купили бутылку водки. Хозяин возился во дворе, отдыхал от пастушьей смены. Пригласил в дом. В сених сунул огромную пятерню в кадушку с солёными огурцами и зачерпнул сколько мог. Достал из буфета железную миску и высыпал их в неё. Нарезал хлеб. Выложил на стол шмат солёного пожелтевшего сала. Жил он с матерью, то ли не женился ещё, то ли успел развестись. Дом небольшой, обстановка по-деревенски простая, больше самодельная, деревянная.

Выпили по первой, налили по второй. Огурцы были замечательны, а сало таяло во рту. Я уже говорил, что свиньи в тех местах пасутся, отсюда и аромат. Николай всё поглядывал на меня заговорщицки, вот, мол, сейчас увидишь, но одноклассник не торопился, и только когда бутылка опустела, полез рукой за шкаф и вытащил картину в раме. Это был парадный портрет Брежнева во всём блеске его орденов, а чтобы ни у кого не возникало сомнений в сходстве, к картине был пришпилен оригинал, вырезанный из журнала «Огонёк». Героями следующих картин должны были стать маршалы Жуков и Ворошилов.

Мы тепло простились с Мастером. Николай был вообще счастлив, знай, мол, наших. А я, не умеющий рисовать, совершенно расчувствовался.

Меня сегодня удивляет тогдашняя способность людей вовремя останавливаться. Выпили бутылку на троих и хорош, надо дальше работать. Видимо, высокая цена являлась сдерживающим фактором, как это практикуют сегодня скандинавы. Можно представить себе, что творилось бы в стране, если бы пол литра водки стоили 37 копеек.

– Что за расчёты? Мои собственные, Мир. Вот смотри...

В теории соотношения цен я исхожу из официальных данных. В СССР средняя заработная плата в 80х годах составляла 180 рублей. *(Да, составляла, не надо чересчур уж прибедняться и на оклады ссылаться. Премии были, 13-я зарплата, доплата, «левый» приработок.)* В сегодняшней Германии – 3700 евро брутто. (У меня лично – 2400. У моих коллег, учившихся на свои специальности, на 250 евро больше. Мы проходим по ведомству сельского хозяйства. «Второй сорт», как сказал бы паразит.)

Пускай «бедный совок» куда-то денет 60 рублей, что маловероятно, если у него нет долгов, и на **жизнь** ему останется 120. Пусть «средний» немец сделает все социальные выплаты, которые составляют треть от его зарплаты, и оплатит жильё, на **жизнь** ему останется 1200 евро.

А теперь внимание! Булка серого хлеба стоила в СССР 16 копеек, в сегодняшней Германии равная ей по качеству и весу 1,60 евро. Но наш тогдашний советский хлеб был вкуснее сегодняшнего немецкого и вообще не идёт в сравнение с сегодняшним российским.

Мать шла в магазин и покупала мне китайские кеды за 5 рублей. Их, правда в куда более улучшенном качестве, продают сегодня в Германии за 50 евро. Хорошая книга стоила 2 рубля, здесь 20 евро. «Волга» стоила от 5500 рублей до 10000 при себестоимости 2700 (конец 70-х, в 80-х цена возросла

до 16800 рублей), но и равная ей **по тогдашнему престижу** легковая машина стоит сегодня в Германии куда более 50000 евро.

– То есть ты настаиваешь на соотношении советского рубля к сегодняшнему евро как 1: 10.

– Да, настаиваю. Любая теория уязвима, но надо уметь обобщать, невзирая на исключения.

– И что же ты хочешь этим сказать своим читателям?

– Своим читателям я хочу напомнить об их аристократизме и широте души, пусть и вынужденной. Да, сегодня полки магазинов ломаются от обилия товаров. Оставим вопрос качества, будем подразумевать только количество. И немец тратит на продукты питания лишь 13% от своей зарплаты, а на остальные может купить всё, что его душе хочется. Но я сейчас введу в повествование выражение **«как если бы»** и картина волшебным образом переменится.

Когда наш отец сунул в карман 600 рублей и пошёл в 1965 году в совхозный магазин покупать чёрно-белый телевизор «Берёзка», это выглядело, **как если бы** я сейчас поехал в «Media Markt» и стал требовать продать мне телевизор за 6000 евро. На меня посмотрели бы уважительно-опасливо, и постарались бы объяснить, что таких дорогих телевизоров у них нет. Раньше, когда плоские телевизоры только-только стали выпускаться, их можно было купить за 28000 марок, но сейчас таких цен не существует.

Когда отец с молчаливо-любопытного согласия матери повёл нас пообедать в вагон-ресторан и заплатил, без выпивки, за двух взрослых и трёх ребятишек 25 рублей, это выглядело, **как если бы** я со своей семьёй просто пообедал за 250 евро. Мы не брезговали ресторанами, когда отдыхали на море, но вечернее удовольствие с живой музыкой, вином и хорошей кухней не стоило для нас в Болгарии более 50 евро. *(Это он вспоминает о конце 90-х и путает марки с евро. Сегодня, пожалуй, цены сравнялись с вагон-ресторанскими. Болгария стала частью Европы.)*

Мать привезла мне в общежитие костюм (все примеры я беру из уже опубликованных частей «Броуниады»), за который в промтоварном совхозном магазине заплатила 80 рублей. Когда, спустя почти полвека, мне снова понадобился новый костюм в связи со свадьбой дочери, я стал его искать. Это только кажется, что их много, свой надо именно найти. У меня один висит в шкафу, но я в него уже не влезаю.

Это ещё до коронавируса было, без масок люди ходили. Из-за него, кстати, уже назначенная свадьба так и не состоялась. Но костюм я купить успел. Теперь спокоен, будет в чём в гроб положить.

Искал, искал и, задумавшись, зашёл не в «свой» магазин.

Тихо играла музыка, сотни костюмов висели на вешалках, а мягкое половое покрытие скрадывало шум шагов. Я очнулся, но просто повернуть назад и выйти не позволила гордость. Где-то в глубине помещения маячила женская фигура и я направился к ней. Очень ухоженная продавщица в хорошем возрасте с ободряющей улыбкой вышла мне навстречу. У меня нехорошо засосало под ложечкой.

– Доброе утро. (У немцев до 12 часов всё утро). Мы рады вас приветствовать в нашем торговом заведении. Что господин желает приобрести?

– Мне костюм нужен, для свадьбы.

Уголки глаз шикарной дамы вопросительно приподнялись.

– Да нет, вы меня неправильно поняли, у меня дочь замуж выходит. Поэтому мне костюм и понадобился. Мне нужен 56 размер, потому что, вот, живот выпирает, сложно подобрать что-то подходящее. Давайте, вот этот примерим.

Краем глаза я успел заметить на ближайшем костюме моего размера бирку с ценой в 150 евро. Дороговато, но пойдёт, если что.

– Баух, вот, всё портит, сказал я самокритично.

Продавщица посмотрела на меня укоризненно. У мужчины, примеряющего пиджак за 150 евро, не может быть физических недостатков.

– Пригласим портного, всё подгонит по фигуре. Возможно, придётся подправить и брюки. 300 евро за хороший костюм – вы сделали очень правильный выбор. И цвет вам к лицу, подчёркивает вашу мужественность.

– Я очень рад, что посетил ваш магазин. И ваши предложения очень привлекательны. Возможно, я ещё вернусь к вам, но хочу ещё походить по другим магазинам, вдруг, встречу что-то интересное. Чёрт, (в первом варианте предложения автор употребил более жёсткое выражение), ну что же я сразу не сообразил, что за брюки надо платить отдельно!

Слушай, Мир, если она со мной была так любезна за 30-ти рублёвый костюм, то что бы они делали, если бы я пришёл покупать 80-ти рублёвый. Облизали бы всем магазином с ног до головы? В Куспеке продавщица обыденно взяла из рук матери деньги и кинула их в кассу. Господи, делов то, костюм из шерсти за 80, вон, за кримпленовый какая битва идёт.

Необходимый, как тогда мне, казалось, наряд (ну не унижаться же перед американцами) я, как и было уже выше сказано, купил. В «СлА». Где одеваюсь уже много лет. Там практически нет продавщиц, из-за экономии остались одни кассирши, которые, перемежая деятельность, тянут на себе магазин.

– Не может быть, чтобы такой хороший костюм стоил 129 евро. Я пойду посмотрю, – забеспокоилась дама на кассе, благо очереди не было. Ей, по-видимому, пришла в голову мысль, что я содрал с брюк бирку с ценой и оставил только на костюме. Разные господа по магазину ходят.

– Да, вы правы, он так стоит. Это ангебот месяца. Вам очень повезло.

Турок-портной на Барбароссаплатц за 10 евро подрубил мне брюки, сделав комплимент костюму, и теперь я спокоен. Бу-

ду лежать в гробу как огурчик. Только надо ещё, по совету турка, докупить чёрные лаковые туфли.

Там были ещё костюмы за 60 евро, но мой совковый аристократизм не позволил прицениваться к вещам за 6 рублей. Запало!

Когда отец, решив «обмыть» баян, купил две бутылки водки и банку «Сайры в масле», он заплатил в кассу что-то около 9 рублей. **Если бы я** сегодня попробовал повторить его действие, я вынужден был бы пойти в самый дорогой магазин города Вюрцбурга и там искать пол литровые бутылки водки по 40 евро за каждую. Они существуют: сумасшествие не отменяется. В стоимость включена цена снобизма покупателей, а содержимое бутылок отличается мало. Спирт как спирт, может быть только лучше очищенный от сивушных масел.

Считая себя в какой-то мере профессионалом, я не собираюсь платить за этикетки *бешеные?* деньги, а при нужде иду в «Алди», где, *«по совету друзей»* (привет славному племени Швеглеров), покупаю бутылку «Черви» за 5 евро или в «Реал» за «Фьёровкой», которую я долгое время считал «Фёдоровкой», поскольку на её этикетке изображён православный собор, возможно, собор Василия Блаженного в Москве. И тоже, как и «Черви», по 5 евро за бутылку ёмкостью 0,7 литра. Качество прекрасное, поверьте мне на слово. И цена держится на одном уровне уже лет пятнадцать.

Делаем несложные расчёты и выясняем, что пол литра этого напитка стоят 3,67 евро, что мистическим образом напоминает 3,62 рубля – цену водки в СССР в пору моего жизненного становления. Делим, согласно вышеприведённой теории, на 10 и получаем искомые 37 копеек.

Немцы пьют, да ещё как пьют, но не спиваются. Водка в Германии – напиток, скорее бомжей, которые ценят её за дешевизну и крепость, или молодёжи, предпочитающей её как компонент коктейля «Водка лемон». Немец легко перепивает русского, для которого смешивание напитков смерти подобно, ибо он

привык только к трём основным компонентам: водке, вину и пиву. Немец – многостаночник, из-за доступности выбора он оперирует возможностями на порядок выше русского. Отправляясь на очередную гулянку с моими товарищами по работе, я с тоской думаю, как мне выжить. Ведь утром ещё и на работу. Приходят все, это как кодекс чести. И я прихожу. Когда уезжаем на виноградники с ночёвкой, стараюсь относительно пораньше лечь (возраст, месье, возраст), но утром встаю раньше всех и могу потом, когда они все ошалелые от недосыпания стягиваются к столу, в качестве мастер-класса выпить три рюмки шнапса, запив их пивом, за что имею заслуженный авторитет.

Себестоимость литра этилового спирта составляла в те времена около 5 копеек, может, 7, а из литра после разведения водой выходило 5 бутылок водки. Меня всегда удивляла эта цифра – 5 копеек. Тот, кто гнал самогон, знает, что из килограмма сахара выходит литр. А сахар стоил 80 копеек. Если из килограмма пшеницы, которая стоила 6 копеек, можно было получить литр спирта, то я не буду настаивать на своих сомнениях, а если нет, то выходит, что гнали из всякой дряни, что могла бродить. Прибыль для государства от продажи алкоголя была баснословной, ибо, как писал один иностранный корреспондент, побывавший в те годы в СССР, в стране много только денег и водки, всё остальное в дефиците.

– Ты выше обронил две интересные фразы о том, что немцы пьют, но не спиваются, и что творилось бы в Советском союзе, если бы водка стоила 37 копеек? Не мог бы ты прокомментировать эти моменты более подробно?

Мир, как старый добрый учитель, гордится своим учеником, то есть мной, создавшим свою оригинальную теорию соотношения цен и хочет её ещё посмаковать. По-моему, это доставляет ему удовольствие. Не будем обижать и разочаровывать старика.

– Ты, как всегда, прав и сразу находишь рациональные зёрна, скрытые в плевелах тенет. (*А что, и такое бывает?*) Работать с таким соавтором, как ты, не только счастье, но и честь.

Шаркнул ножкой неплохо. Мир к этим вещам равнодушен, приучен к лести всем ходом истории. Но он хороший, толковый, ради дела через себя может переступить. Он истину любит.

– Немец, Мир, не может позволить себе разгула, потому что он на «колёсах», или, вернее сказать, «за рулём». Потеря водительских прав с последующей, порой, неоднократной сдачей «идиоттестста» по-настоящему его пугает. К тому же они предпочитают хоть и в больших количествах, но лёгкие алкогольные напитки. А вот по поводу того, что случилось бы в стране, стой водка копейки, давай разбираться.

Водки много не выпьешь: или память потеряешь, или она (водка) обратно полезет. Настоящих питухов цена никогда не останавливала, пропивались до выноса вещей из дома. Были они пьяны каждый день за 3-62, то же самое было бы и за 0,37, только в семье больше бы денег оставалось. Самогон перестали бы гнать. Кому суждено было от водки помереть, умерли бы, возможно раньше по сроку.

Но ведь основная масса потребителей не профессиональные алкоголики, они просто любители выпить. И совершенно отдают себе отчёт, когда выпить можно, а когда нельзя, потому что надо ещё и работать, дело делать. Выпивка для них праздник, отдохновение от трудов. Водки хочется, когда её нет, а когда стоит везде и ничего не стоит, то и относились бы к ней спокойней. Опять же, в семье больше бы средств оставалось, на книжку бы клали. Богатство, оно затягивает. Глядишь, крохоборы вообще бы пить перестали.

Но, по здравому размышлению дешёвая водка принесла бы людям больше вреда, чем пользы. Бюджет государства затрепал бы по швам, начались бы перебои с зарплатой. Недовольств-

во. Не водкой единой жив человек. Так что, 3-62 мудрее, чем 37 копеек.

– Я тебе, Мир, лучше на примере той же Егоровки покажу, как практически выглядел симбиоз между жителями села и алко-голем. Вот слушай.

Целый месяц ничего не происходило. Возле продуктового магазина на въезде всегда толпился народ – женщины, пенсионеры, пара-тройка местных люмпенов. Магазин – место встреч и место общения, ну не в клуб же с утра идти, ей Богу. Люмпены скидывались, иногда в долю с ними вступали пенсионеры, выпивали тут же, возле крыльца, закусывали, разговаривали. Пенсионеры шли по домам, люмпены оставались. Женщины тоже покупали водку, и все знали, что это для дела: семейные праздники, хозяйственные нужды, лекарство. Жидкая валюта. Иногда заскакивали работяги, тех отоваривали без очереди. Значит надо, зря бы не заезжали.

Весь месяц село добросовестно трудилось и совершенно спокойно обходилось без милиционера. Наступал день зарплаты. Механизаторов из полеводческих бригад привозили в контору к окончанию рабочего дня, они получали в кассе деньги и подтягивались к магазину. Животноводы и доярки с летних доек уже при деньгах, выданных им ещё днём, смотрели на остальных завистливо, но им предстояло ещё вечером подоить коров. В этот день продуктовый магазин становился средоточием вселенной.

– Давай, по-быстрому, берём пузырь и валим отсюда, – нервно сказал Николай, когда мы на моём мотоцикле в конце рабочего дня подъехали к магазину. – Сейчас здесь начнётся...

«Мы тоже люди, мы тоже любим...», – пел солдатский вокально-инструментальный ансамбль в куспекском клубе в пору моего студенчества. Я был на каникулах, а авторота прибыла для оказания помощи в уборке урожая.

Возбуждённые люди неожиданно проявили уважение и пропустили нас без очереди.

– Главное, что они без техники, а там, что хотят, то пусть и делают. Ну, будем!

В день полочки магазин работал столько, сколько надо. Я подвёз управляющего до его дома и неспешно покатил к своему. Путь мой пролегал мимо магазина. Два десятка людей, скучковавшись группами пили, ели, курили, громко разговаривали. Если не их называть счастливыми, то кто тогда счастлив под этой луной? Подъехала машина с животноводами, люди высыпали из неё, как десантники. Шофёр игриво посигналил и укатил. Новоприбывшие кинулись в магазин.

Пили все. Пили латыши, пили эстонцы, пили белорусы, пили русские. Немцы пили тоже. И им было хорошо в эти минуты. Кто-то покупал водку и шёл в свою дружную семью. Гуляние растекалось ручейками. Пять лет спустя, будучи уже главным агрономом совхоза «Новосветловский» я оказался участником примерно такого же стихийного пиршества и сохранил о нём память, как об одном из лучших дней своей жизни и единения с народом. Я обязательно расскажу эту историю и о чувствах своих расскажу, только немного позже, когда спираль приведёт нас в те удивительные места.

Отдал жене все деньги, тут же отделив от кучи пятёрку на карманные расходы. Поужинал. Она привязалась к запаху.

– С мужиками полочку немного отметили. Ты ведь видишь, что я не пьяный, а только выпивший. Давай, доставай бутылку, посидим вместе, поговорим, повспоминаем, куда и запах денется...

– Ещё чего, что я, алкашка какая? *(Бог за какой-то грех наказывал его непьющими жёнами.)*

Слово за слово, делать в доме стало нечего. Пошёл во двор колоть дрова, силой своей играючи. *(Наглеет понемногу автор, кавычки забывает ставить.)* Поработал. Уже хорошо стемнело, но светила луна. Выглянув за ворота, увидел, как в темноте от магазина шли несколько человек, видимо последние из могилкан. Ну, шли, это не совсем верное слово. Их мотало, как матро-

сов в шторм по всей ширине улицы. До своих хат дошли не все. Двое сошли с дистанции и до утра легли на травянистую обочину.

Всё, пропала Россия! Пропал колхоз им. Свердлова!

Как бы не так. Рано утром, в 5 часов по селу проехала машина и собрала всех, кто должен был ехать на фермы. Прочесали и обочины. К семи утра потянулись к конторе механизаторы.

Это твоё личное дело, что с тобой происходило вчера. А сегодня, будь добр, на работу. Кому легко? Всем тяжело, не тебе одному. Но есть такое слово – «надо». «Сделай или сдохни» – широко известное в викторианскую эпоху английское присловье, долженствовавшее отражать незыблемость саксонского духа, в СССР приняло более жёсткую форму — «Умри, но сделай!». Чуете разницу?

Прогулы из-за пьянства были, конечно, но на таких «умников» ополчалось всё село, как начальство, так и сами рабочие. Сельские сходы собирались. Клеймили отступников. Если кто-то «сачковал», то его часть работы должны были брать на себя остальные, которым и своих забот выше головы хватало. Это сельское хозяйство, там всё живое и работать надо каждый день.

Кто-то похмелялся, кто-то глядеть на спиртное утром не мог, но как-то выходили из положения. Какой-либо катастрофы на производстве не происходило. Те из писак, которые пытаются представить читателям советскую деревню как сборище каждодневных пьяниц и лентяев с руками, растущими из жопы, просто понятия не имеют, о чём они пишут. Таких без сожаления надо приговаривать к смертной казни, заменяя её в последний момент помилованием и пожизненной ссылкой на животноводческую ферму. Брезентовые рукавицы, амбре и радость коллективного труда. *(Где-то зацепил информацию, что в сегодняшней России ни одна уважающая себя новокапиталистическая собака не желает работать на ферме самолично, а нанимает гастарбайтеров из республик бывшего СССР, которые за очень умеренную плату корячатся там с утра до ночи, живя в одном помещении вместе с животными.)*

Какие уж личные «восхождения» и трудовые подвиги происходили утром после вечернего обмывания полочки я вам не буду живописать, потому что там не присутствовал. Но, как рабочий-лагерист вайнгута, переживший уже 23 коллективных празднества Рождества в очередном ресторане, после которых наутро надо идти работать, я твёрдо знаю, что они были. И закончу эту тему анекдотом, чтобы не ворошить былые боли. Приезжает доярка после зарплаты на утреннюю дойку, совсем никакая и говорит корове: «Я не смогу тебя подоить, у меня сил нет». А корова свою доярку любила, потому что та за ней всегда хорошо ухаживала и была доброй. «Ладно, не горюй, придумаем что-нибудь. О! Подставляй ведро. Ты за мои соски держись, а я буду подпрыгивать».

Глава 13

«Я УЕДУ ИЗ ЭТОЙ ДЕРЕВНИ...»

Хороша была Егоровка, но книга не безразмерная. А мне ещё предстоит ответить на очень щепетильный вопрос, почему же я её покинул, да так скоропалительно, что у читателей может возникнуть подозрение в совершении мной какого-то неблагоприятного поступка, несовместимого с дальнейшим пребыванием в должности. Спешу успокоить моих равнодушных читателей: проступка я не совершил или, скажем скромно, не успел. Наоборот, я был вознесён на пьедестал почёта очерком, опубликованным в районной газете «Ленинский путь». Он занимал чуть ли не половину страницы (*формат районных газет был в то время меньше центральных вдвое*) и имел многообещающее название «Начало».

Запой В. Чекмарёва в своё время спас меня от подобного позора в масштабе области, но он (позор, естественно), настиг меня в таёжной глубинке.

– Иван, я не виноват! Я с ним вообще не разговаривал про работу, – это были мои первые слова, которые я, пунцовый от стыда, произнёс, войдя утром в кабинет секретаря парткома колхоза. Пытался поймать его взгляд и не мог этого сделать, потому что он всё время отводил глаза в сторону.

У, вторая древнейшая...!

Я не знаю, кто был инициатором этой публикации. Возможно, было письмо в редакцию от сельского корреспондента, они есть в любом коллективе, и это могла быть моя «Тамара Ивановна» или кто-то другой. Возможно, мои товарищи по комсомолу вспомнили обо мне. Но, выбирая между мной и Колей Ефимовым, они выбрали бы героем очерка его. Он был им ближе. Возможно, Гудков дал команду поддержать «таёжника». Мысль о том, что я делал что-то такое, что не укладывалось в привычные рамки, приходит в мою голову последней.

В очерке действительно не было ни одного моего слова. Там обо мне говорили другие люди. Хорошо говорили, от сердца. Да вот только сам строй повествования был ужасен. Автор противопоставлял меня и Ивана. Я, как агроном, хороший, а Иван был плохим. И там, и там он делал неправильно, а я правильно. Дорогой автор, мой предшественник работал три года, а я только несколько месяцев. Я просто ещё не успел совершить своих ошибок. А то, что урожайность оказалась на пару центнеров выше, так, то заслуга Бога, а не моя. В ней не было моей осознанной воли. Иван Адольфович, которого я по-человечески очень уважал, работал секретарём парткома. Кто после этого может сказать, что партийцы у нас были вне критики. «Продвинутые» корреспонденты, которые через несколько лет станут «демократами», ещё в те годы отсыпались на них по полной.

Надо ли говорить, что появление этой публикации жена моя восприняла как своё личное оскорбление. У неё уже сложился другой мой образ, противоположный газетному, деталями которого она охотно делилась со знакомыми. Привыкшие ко всему егоровцы деликатно отмалчивались. Газета была уничтожена.

Давайте, я скажу вам, что это последняя глава первой части книги. В следующей речь пойдёт уже о Казахстане. Это заставит меня дисциплинироваться и прибавит повествованию скорости. Эпопея эпопеей, но совесть тоже надо иметь.

– Я хочу повидаться со своей сестрой.

– Никаких возражений. Поезжай, я сам управлюсь с хозяйством. До Тары тебя довезут, организую. А дальше на «Икарус», прямо до места.

– Нет, я хочу с тобой и на машине.

– У меня нет машины, только мотоцикл.

– Попроси у председателя, вместе с шофёром. Он тебе не откажет.

У Копотилова кроме пятиместного «ГАЗ-69» были ещё и «Жигули», почти новые. Я попросил, и он пошёл мне навстречу. Выехали в пятницу, с расчётом вернуться обратно в воскресенье вечером. Шофёром был приятный, скромный белорус, муж той самой заведующей складом и током, о которой я уже упоминал.

Старшая сестра моей жены Руфина и её второй муж Коля, отработав пять лет (а может и больше), в Якутии, вблизи города

Мирный и проживая там в «балке», сумели скопить денег, переехать в посёлок Любино, что в 50 км от Омска и купить там частный дом.

Руфина устроилась главным экономистом на Любинский молочный завод, производивший различную молочную продукцию, в том числе и знаменитое «Сгущённое молоко», которое соответствовало тогдашнему ГОСТу, и ни в какое сравнение не идёт с современными поделками и подделками. Николай, тоже имея высшее образование, получил соответствующую должность в одной из организаций.

Соскучившиеся по человеческой жизни и теплу северяне завели пасеку. Угощали медовухой, от которой голова оставалась ясной, а вот ноги не слушались. В воскресенье вечером вернулись в Егоровку. С Руфиной у меня сложились хорошие, доверительные отношения, которые сохранились и после развода с женой. К прискорбию, она рано умерла. Рак.

Из Егоровки я уехал из-за жены. Попал туда из-за неё и уехал из-за неё. Вместо того, чтобы по-человечески поговорить со мной и вместе найти какой-то приемлемый компромисс между работой и домом, она стала предпринимать шаги, которые только углубили отчуждение между нами. Это не было трагедией, но драма разыгрывалась нешуточная. Какой единственный выход был из создавшегося положения? Успокоиться и начать жить. Тем более, что впереди маячила более спокойная для агронома зима. Стать обычными деревенскими жителями, с их ежедневными заботами. Своими среди своих. Но для этого надо было сначала стать семьёй. А семья у нас не сложилась, не было ни взаимного уважения, ни дружбы, ни тяги друг к другу. Всё где-то распряслось по дороге.

Сначала она вызвала своего брата Тимура. Я не знаю, что она ему говорила, но тот приехал с намерением драться. Обида переполнила моё сердце.

– Что вы, как собаки на меня кидаетесь? Я тебе что-нибудь плохого сделал? Приехал в гости, садись за стол, ешь, пей, разговаривай. Мне перед тобой каяться не в чем.

Потом она вызвала свою мать. Мне мужики подсказали, что тёща, мол, к тебе пожаловала. Поэтому, подъехав к дому, я не стал сразу в него заходить, а принялся рубить дрова во дворе,

демонстративно показывая свою хозяйственность. Через час, открыв дверь в дом, я застал окончание нешуточной словесной битвы. Наверное, мать попыталась дать моей жене пару житейских советов, но корм был не в коня. Им было не до меня, и я, уйдя в другую комнату, слышал, как жена кричала, что мои родители хорошие, а вы все плохие, на что уважаемая мной Евдокия Григорьевна резонно кричала в ответ, что, ой, смотри, Татьяна, ой, смотри, не плюй в колодец. Наутро она уехала, хотя могла бы пожить, помочь, была уже на пенсии.

А потом приехал мой отец. Я ещё раз повторяю, что не знаю, о чём она писала в письме к моим родителям, но отец, как и Иван, старался не встречаться со мной взглядом. Эта подлость со стороны жены настолько потрясла меня, что во время нашего общего разговора я не выдержал и заплакал. Гадины!

Ситуация сложилась патовая. Жена не желала здесь жить и просила забрать её в Казахстан, в Куспек. А я, мол, никуда не денусь, приеду. На это были веские основания. Она забеременела. Физическая близость не являлась устоем нашей семьи, но, иногда, встречи происходили.

Первым её желанием было избавиться от плода. Я воспротивился и наказал всем шоферам колхоза не брать её попутчицей до Тары, а соседям не оставаться с Димкой. Потом её планы переменились, и беременность должна была стать козырем, который поможет ей покинуть эту деревню.

Разговор был очень серьёзным. Отец, знающий обо мне из письма что-то такое, что мне и в голову не могло прийти, был настойчив.

– Вам надо переехать жить к нам. И начать жизнь сначала. Я не мог перенести боль в глазах отца, и пообещал.

Осенью, уже после уборки, в октябре, на самосвале ГАЗ-53 с водителем Николаем Валяевым, он приехал за тысячу километров и забрал мою жену, Димку и наши пожитки. Живность распродали.

Я остался один и в глазах людей стал предателем. Написал заявление на расчёт и стал ждать. Копотилов сразу мне сказал, что мой вопрос будут решать наверху, в Таре.

Поскольку оставаться в доме мне было бессмысленно, я привёл его в порядок и, по сложившейся традиции стал кварти-

рантом в доме одной пожилой женщины, дом которой находился недалеко от продуктового магазина. Иван жил у неё, пока его семья не переехала к нему, теперь вот я. На излёте.

И я понял глубинную красоту деревенской таёжной жизни и тепло заботы. Колхоз платил за меня хозяйке 40 рублей, она считала, что в эти деньги входит и моё питание. Сын её, кандидат физико-математических наук, жил с семьёй в Москве и преподавал в каком-то институте. Она же была мудра от природы. Но и ей, как и всем остальным, не давал покоя вопрос, почему я, всё-таки, уезжаю. Мы с ней зарезали свинью, об этом я писал в первой книге «Броуниады» и теперь меня будил невыразимо замечательный запах жарящегося на железной буржуйке сала. Да, посреди кухни стояла железная печка. Она её растапливала, чтобы в доме быстро стало теплее, а заодно готовила завтрак. Главную, русскую печь, протапливали вечером. Наступали холода. А ещё баня и клюквенный морс после неё или мочёная брусника с сахаром. Век бы жил у бабушки, как у бога за пазухой.

Я уже не ходил на утреннюю планёрку, а сразу отправлялся на ток, где заканчивалась просушка и очистка семян. Положение моё было неопределённым. Как и предполагал председатель, меня вызвали в Тару на заседание бюро горкома партии. Там я впервые увидел, как по-настоящему борются за кадры. Меня сначала уговаривали, потом стращали, потом опять сулили всяческие блага. На любой мой довод у них находился ответ.

– Как же я могу остаться, если моя семья уехала в Казахстан?

– А вы не волнуйтесь, только скажите, и мы перевезём её обратно.

Начальник районного управления сельского хозяйства сказал, что через месяц он по разрядке получает новый УАЗ-469, и если я останусь, то свой прежний он передаст мне. Это было неслыханно. Председатели довольствовались «газиками», а агроному заштатного колхоза предлагали УАЗ.

– Значит видели в тебе что-то такое, чего ты сам в себе не замечал. За пустышку не стали бы бороться, – резюмирует Мир. – А может из принципа, кто знает?

Доброжелательность, с которой меня встретили в кабинете из-за моего упорства сменилась неприязненностью. Стыдно

было мне. Но не заяц же я, чтобы туда-сюда скакать. Тяжело терять уважение поверивших в тебя людей, и эту тяжесть я пережил тогда в полной мере.

Я не был членом партии, поэтому бюро было не в силах вынести мне наказание. В заключение наших дебатов Гудков сказал:

– Расчёт не производить. Трудовую книжку не выдавать. Наказать по комсомольской линии со всей строгостью. Исключать не надо, но строгача с занесением в учётную карточку он заслуживает.

– А с какой формулировкой? – поинтересовался присутствовавший на бюро Пантелеев.

– За отказ от работы на рекомендованном участке.

Да, была у меня в бумагах такая запись. *(Через пять лет его избрали делегатом 19 съезда ВЛКСМ.)*

Во мне видели предателя и некоторые люди на селе считали своим долгом донести до меня это видение. Спасала только моя непосредственность, дружелюбие и то, что на самом деле подлецом я не был, так сложились житейские обстоятельства. Судиться с колхозом я не собирался, не приучен к этим делам, неопределённость тоже не могла длиться вечно.

– У меня приказ вас не отпускать, но мне нужен агроном, а не человек, сидящий на чемодане. Давайте договоримся, вы заканчиваете очистку семян, берёте пробы и доставляете их в районную контрольно-семенную лабораторию. Кроме вас это сделать некому. Семеновод ушла в декретный отпуск. После этого вы свободны. С трудовой книжкой что-нибудь придумаем. У вас есть время, Иртыш ещё не стал.

Приближалось 7 Ноября. Переправа не работала, поэтому никто из района приехать на торжественное собрание не мог. Иван предложил сделать доклад мне. Он был надёжным, основательным мужиком, Иван, но произнесение речей не было его сильной стороной. Как он мне помог с дровами, так я решил ему помочь с собранием.

Люди пришли и заполнили зал деревянного клуба. Кто в чём, кто в пальто, кто в новых фуфайках. Кто в ботинках, кто в резиновых сапогах. Это зависело от сложности пути, который им предстояло пройти от своего дома до клуба. Избрали президиум.

Предоставили слово мне. Я вглядывался в полутёмный зал и видел лица, ставшие мне родными. Прекрасные люди, с которыми мы вместе трудились, делая нужное для страны дело. Я говорил без бумажек. Рассказал им историю нашей страны, как представлял её сам. Видел, что люди слушают, слушают внимательно. Предательский комок периодически подкатывал к горлу и непрощенные слёзы подступали к глазам. Я такой же, как вы, я плоть от вашей плоти, мы вместе. Я уезжаю, но не забуду вас никогда. Я люблю вас, люди!

Иртыш стал. Семена были просушены и очищены. Моя семеноводша, хоть и находилась в декрете, сшила из старых простыней мешочки, которые я наполнил пробами. Сложил их в большой мешок и поставил в углу кабинета. Был день 23 ноября 1978 года.

Копотилов, исполняя своё обещание, разрешил меня считать, но о выдаче трудовой книжки ничего не сказал. То есть решил мою проблему половинчато. Перестраховался перед начальством. Что же, его можно понять. Тогда я определился уезжать без неё, знающие люди подсказали, что никуда не денутся, вышлют, если будет запрос. Решил только сделать «отходную». Купил в магазине ящик водки и какую-то закуску. Поставил под стол в кабинете и утром, по рации, пригласил бригадиров, управляющих и членов правления заехать в контору. Чтобы попрощаться. Кто-то приехал, кто-то нет, у каждого свои заботы, но все «конторские» проявили уважение и в конце рабочего дня в кабинет зашли, причём принесли из дома настоящую еду. Сало, пирожки, мясо, клюкву, бруснику. Копотилов закрыл на «прощание» глаза и, хоть сам не участвовал, но препятствий чинить не стал. Пожал мне руку и сказал, что ему надо куда-то срочно ехать по делам.

– А, была не была, сделаем человеку доброе дело. Тащи сюда, его трудовую, – сказал заведующей отделом кадров подобранный главный бухгалтер Филипов. Я сейчас печать принесу, тиснем по форме, пиши, что уволен по собственному желанию. С Копотиловым я завтра сам объяснюсь.

Оставшиеся после вечера полные бутылки я подписал и попросил передать тем людям, что не смогли приехать на прощание.

До берега Иртыша меня довезли, а вот дальше я пошёл пешком. В одной руке у меня был чемодан, другой я поддерживал перекинутый через плечо мешок с семенами. Хотя татарин уже утонул, но тяжёлому транспорту езда по льду была ещё запрещена. Черная ботинками снег поднялся по обрывистому снежному берегу в Екатериновку, дальше, наверное, на автобусе, добрался до Тары. Не помню. Сдал пробы семян в инспекцию и стал свободным человеком. Свободным? Кто-нибудь их видел, свободных людей? Дорога лежала в Казахстан, на воссоединение с «семьёй».

Что-то я ещё забыл рассказать о колхозе им. Свердлова. Ах да, медвежья шкура. Повалился один медведь лакомиться молодыми тёлками. Монстр был, огромный, как зарычит, всё стадо приседало на задние ноги. Пасли скот летом в тайге, там и загоны были, где животные ночевали. Он их из загонов и тягал. Пастухи боялись с ним связываться. Хозяин тайги. Это в 1977 году было, за год до моего приезда. 28 голов задрал. Зоотехник попросил лучшего охотника села, заведующего МТМ, чтобы он его убил. Тот нашёл прикопанную тёлку и устроил засаду. Ночью медведь пришёл за добычей и был убит. Шкура досталась охотнику. Кто-то «капнул» в район, и ему из отдела райисполкома по защите природы пришёл штраф в 600 рублей. Не в сезон убил. Колхоз, естественно, взял «вину» на себя, и тяжба эта длилась почти год, пока суд не признал колхоз правым в данном конкретном случае.

А что было дальше?

Я получал письма из села. Жена Копотилова переехала, наконец, к мужу, и отпраздновали новоселье. Потом на трассе Омск-Тара случилась страшная авария, в которой на «Жигулях» разбились председатель и его шофёр, тот самый, что возил нас в Любино. Шофёр погиб, Копотиллов долго болел, но выжил и продолжил работать. В 1984 году, уже после бегства жены, я из Новосветловки ездил в те края за строевым лесом, предварительно связавшись с Александром Максимовичем по телефону. Загрузили пять машин зерноотходами и поехали. Лес привезли, сосну и лиственницу, но дальнейшего развития обмен не получил, каждая сторона сочла обмен неравноценным. Да и далеко. По дороге заезжали в Любино, там ночевали. В качестве компенсации за причинённые хлопоты оставил Руфине замороженную говяжью

ногу, которую вёз с собой, наивно полагая случайно встретить свою семью. Проговорили с ней весь вечер, она разыскала в альбоме фотографию Димки, нечёткую, где он в рубашке, и отдала мне. Такие вот дела.

Начиная эту книгу, просмотрел всё, что интернет знает о Егоровке и славном колхозе им. Якова Михайловича. Был несказанно удивлён, что одним из источников знания о тех местах является и моя первая «Броуниада». Колхоза, конечно, нет, на его месте существует всего одно фермерское хозяйство, Кошкуль и Юрьевка исчезли с лица земли, остались только кладбища. Но остальные сёла живут. В Егоровке, например, при Доме культуры создали кукольный театр, которым руководит Копотилова. Кто ты, талантливая женщина, дочь ли, сноха ли, внучка ли Александра Максимовича? Главное, что нить не прервалась. А ещё есть 15-ти минутная съёмка зимнего села, когда машина медленно едет по улице и оператор снимает на камеру всё, что попадает в объектив. Наш дом увидел, в нём никто не живёт, сугроб не очищен. Соседские дома увидел. Вот, не поверишь, Мир, смотрел и плакал. Влезла она мне в душу, эта деревня. В чём её сила? Ведь сорок лет с тех пор прошло, а всё, как вчера. И семь месяцев всего жил я там, семь месяцев! В глуши, на краю света, в чём её сила, Мир? Не надо, не отвечай. Никто этого не знает. Может разве только Николай Рубцов.

Я люблю Рубцова. Уже и не помню, какая из его вещей поразила меня тогда, 30 лет назад, впервые. Возможно, наряду с «Горницей» это были строки «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...». Публикация Николая Куняева «Путник на краю поля. О жизни, смерти и бессмертии поэта Николая Рубцова» как влитая легла на моё сердце.

Меня поразила тогда автобиографичность стихов Рубцова и в то же время их всеобщая универсальность. Глеб Горбовский говорил: «Николай Рубцов – поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией непридуманной, органической». Прочитайте, люди, это нужно не ему, а вам.

Его жизнь была неприкаянной. Сначала детдом, потом мечта учиться на моряка, которая не осуществилась из-за малолетства, техникум, служба на флоте, работа на заводе,

поступление в Литературный институт, отчисление, скитание почти до последних дней без жилья, без работы, без денег. И вечная нищета. Я встречал таких людей: лысоватые, рано морщинистые, всегда готовые дать отпор, потому что знают, что делают неправильное, но не любят этого укора от других. Прибавьте к этому настоящий талант и самопонимание этого таланта в отличие от большинства окружающих людей, видящих только внешнюю канву – и вы получите Н. Рубцова. Прожил 36 лет, задушила любимая женщина. Всё это на фоне алкоголизма с его дикими выходками.

А вот хмель с годами улетучился и встал настоящий Рубцов, великий поэт России, который навсегда останется её гордостью.

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны
Неведомый сын удивительных вольных племён!
Как прежде скакали на голос удачи капризной,
Я буду скакать по следам миновавших времён...

И, «Прощальная песня».

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Прощай, Егоровка, хорошо, что ты была в моей жизни.

